Навия. Проклятие

Автор:
Елена Булганова

Навия. Проклятие

Елена Булганова

Навия #2

С тех пор как Богдана вспомнила Навию, жизнь ее не стала легче, наоборот – превратилась в уравнение из сплошных неизвестных. Отныне она принадлежит двум мирам, двум судьбам, и выбрать между ними невозможно, хотя и необходимо. Здесь – лучшие друзья, и Сашка, и… смертельная опасность. Там – удивительная Параклея, и Орлик, и… страшное проклятие, способное погубить всех, кто Богдане дорог.

Так как же решить безжалостное уравнение, обойти расставленные повсюду ловушки и спасти свои миры, свою любовь и самой при этом не разорваться на части?

Елена Булганова

Проклятие

Всем странникам между книжными мирами посвящается эта история

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2021

© Елена Булганова, текст, 2021

Глава первая

Отчаяние и надежда

Утекала минута за минутой, набежал, должно быть, уже целый час, а я так и не покинула тесную палату с двумя койками. Одна пустовала, а на другой время от времени жалобно постанывал и вздрагивал во сне Сашка. Сначала я сидела рядом с ним на железной раме кровати и гладила по здоровому плечу. Потом начала на цыпочках метаться от окна к двери, от стены к стене. Моя голова аж потрескивала от боли, временами подташнивало, но внешние проявления были цветочками по сравнению с тем, что творилось в моих мозгах.

Я пыталась не вспоминать, но нет, слишком поздно, ревущую лавину не повернуть вспять. Старалась хотя бы не перебирать возникающие образы, сразу топить их в глубинах памяти. Пропускать, как песок меж пальцев, не чувствовать, не переживать. А образы сопротивлялись, требовали моего внимания, каждый словно вопил: «Вот я! На меня посмотри! Обо мне подумай!» Целая жизнь, короткая, но такая насыщенная, совсем не похожая на мою нынешнюю, ворочалась во мне, как кошка в слишком тесной коробке, упорно отвоевывая себе все больше пространства.

Но хуже – и страннее – всего было то, что меня с каждой секундой все меньше волновало, почему Орлик убил меня. И я почти не думала о том, каким непостижимым образом он ожил, хотя своими глазами видела, как его поглотила Смертная Тень. Пожалуй, это было последнее, самое яркое воспоминание перед тем, как меня саму начал пожирать яд или что он там мне скормил. Я отчетливо помнила, как Тень на мгновение приняла его облик, подобный оплывшей черной свече, – а потом с жутким сытым причмоком уплыла в темноту. Как всякий, кто хоть какое-то время прожил в Блишеме, я знала, что вернуться в любой из миров он уже не мог, Тень – это конец всего. Но если я сейчас разыщу его, то едва ли стану задавать вопросы, потому что ничто больше не имеет значения. Я просто брошусь в его объятия, разревусь, наверно, и никакая сила на земле не разожмет моих рук…

Нет, что это я, так нельзя. У меня теперь другая жизнь, я – Дана, Дана, Дана! Да и какие объятия, он тяжело ранен и, надеюсь, крепко спит после очередной

штопки. Или, как вариант, снова замышляет смыться из больницы.

Я заставила себя собраться с мыслями. Еще раз глянула на Сашку, словно призывая его незримо быть со мной рядом, не дать раскиснуть и натворить глупостей. Он как раз в этот миг заворочался и сильно дернул головой, словно изо всех сил пытался проснуться. Почему-то этого я испугалась еще больше и выбежала прочь из палаты.

Больничный коридор был погружен во мрак, лишь напротив палаты на столе дежурной медсестры низко склоненная настольная лампа нарисовала желтый круг. Медсестра, растрепанная и усталая, что-то писала, подпирая свободной рукой голову и все равно почти касаясь носом стопки бумаг, а очки ее лежали на подносе рядом с дымящейся чашкой и надкушенной печенюшкой. Она заметила меня, провела ладонью по глазам и спросила с вымученной улыбкой:

– Не спится тебе? Переживаешь за друга? Дать таблеточку для сна?

– Не нужно, – замотала я головой. – Я только хотела спросить… У меня здесь еще один знакомый лежит. Тоже на четвертом этаже, но отделение другое.

Женщина понимающе кивнула:

– А, это в первой хирургии, через площадку. А у нас тут вторая.

– Можно туда сходить?

– Сейчас, среди ночи? – удивилась и быстро-быстро заморгала она. – Милая, больные все спят, тревожить их нельзя.

– Да мне только убедиться, что с ним все в порядке.

– Нет-нет, ты и не попадешь туда до утра, двери заперты изнутри.

– Но вы же можете позвонить тому, кто там дежурит, чтобы впустил меня? Пожалуйста!

Но она ответила твердо и уже без улыбки:

– Девушка, это невозможно. Вас и так оставили в порядке исключения, вообще-то только родным можно, и то с разрешения заведующего отделением. Ой!

Теперь она смотрела куда-то через мое плечо, и я сильно вздрогнула, вдруг вообразив, что там стоит Орлик. Ему-то, в отличие от меня, совсем не трудно попасть куда и когда угодно. Кровь отхлынула от головы, зашумело в ушах, я медленно обернулась. Но это был только что упомянутый завотделением, старый хирург, прекрасно мне знакомый.

– Ловца и зверь дожидается, – проговорил он негромко, прощупывая меня взглядом из-под мохнатых бровей.

И, кивнув куда-то вглубь коридора, зашагал вперед первым, даже не сомневаясь, что я последую за ним. Медсестра глянула на меня сочувственно, пожала плечами и снова уткнулась в свою писанину. Я поплелась за хирургом, уже зная, о чем пойдет речь: мы с Дятловым заранее договорились, что назовем фамилию нашего одноклассника, который как раз на неделю со всем семейством укатил в Белоруссию отмечать юбилей деда. Просто Саня не хотел, чтобы снова дергали среди ночи его родителей, а утром можно будет сослаться на шок и потрясение. Надеюсь, это не такой большой подлог, чтобы заведующий немедленно сдал меня в полицию.

От тычка его ладони распахнулась одна из дверей, наружу выплеснулся яркий свет. Когда я на заплетающихся ногах – не от страха, больше от усталости – добрела туда, хирург уже сидел за столом, растирая темноватые бугристые пальцы. Комната оказалась дежуркой, здесь и кровать имелась, а стол был хаотично заставлен упаковками с продуктами быстрого приготовления, чтобы медсестрам коротать тут ночи.

– Я не знаю вашего имени, простите, – промямлила я, замирая в дверях.

Мама всегда мне твердила: чтобы установить контакт с собеседником, в первую очередь необходимо узнать его имя. А я вот уже дважды с ним разговаривала, и никакого контакта.

– Лев Аркадьевич, – почему-то ухмыльнулся хирург, словно видел меня насквозь. – Интересное у нас с вами общение получается, Богдана. Вы с

удивительным упорством поставляете в больницу подстреленных неизвестно кем молодых людей, имен которых либо не знаете, либо знаете, но неверно. И которые, по некоторым признакам, влюблены в вас по гроб жизни. Не знаю, что обо всем этом думать, но сюжет складывается забавный.

Господи, вот я дура! О нашем с Сашкой вранье подумала, а обо всей ситуации в целом – нет. Не заготовила никаких объяснений. А сюжет в самом деле получается еще тот.

– Кого сегодня оперировали, я прекрасно знаю, – буркнула я. – Мы дружим с первого класса. А имя сказали другое, потому что врачи сразу начали бы звонить ему домой, а у него и так… все сложно дома.

– Ага, сложно, понимаю, – закивал врач. – А криминогенная обстановка в нашем городе, похоже, еще сложней. Знаете, Богдана, до нашего знакомства я как-то даже не задумывался об этом, а сейчас вот ехал среди ночи в больницу, так сердце и замирало – не подстрелил бы кто. Или для этого нужно быть рядом с вами?

Я вздохнула, но промолчала. А что тут скажешь?

– Даже не буду спрашивать, что произошло, не хочу выслушивать новое вранье, – продолжал хирург. – На этот раз хоть ранение нормальное, пулевое. Но завтра вам придется общаться с дознавателями, и разговор, предвижу, будет нелегкий.

– Меня могут арестовать? – задергалась я.

Вот в самом деле, будто мало тысячелетней старухи, объявившей на меня охоту, и прочих неприятностей. Швырнут за решетку – и что тогда делать? Разве что Орлик-Артур вытащит, но ему же сперва нужно окрепнуть.

– Неважно, – перебила я уже открывшего рот завотделением, отчего его брови изумленно поползли вверх. – Сама разберусь. Я только хотела узнать, как там Артур. К нему не пускают до утра…

Что-то неуловимо изменилось в лице Льва Аркадьевича, взгляд вдруг стал вроде как потерянным… или даже обиженным. И мне это не понравилось настолько, что сердце сперва оборвалось и провалилось куда-то, потом задергалось во всех направлениях, как йо-йо.

– Вы полагаете, можно сбегать из больницы с таким серьезным ранением? Без конца тревожить рану без последствий? – спросил он резко, сердито. И так и впился в меня глазами.

– Я… я ничего не полагаю. А что слу…

– Ваш знакомый умер, – рубанул хирург. – В третий раз мы оказались бессильны ему помочь.

Кажется, я тоже умерла, оцепенела и перестала дышать. Не было никакого смысла в дыхании… вообще ни в чем больше не было смысла.

– Нет. Что вы, нет, это невозможно. Он же очень сильный, Ор… то есть Артур. Это ошибка.

– Тем обидней. У него был шанс выкарабкаться, а он им не воспользовался.

А в следующий миг доктор уже нависал надо мной и подносил к моим губам мензурку. Но как же я оказалась на диване? Похоже, все-таки отключилась.

– Может, вам поехать домой? Свой-то адрес вы помните? – спросил хирург без издевки, голосом глухим и печальным.

Я помотала головой:

– Нет. В смысле помню, но не поеду.

– Хорошо, но тогда договоримся так: вы возвращаетесь в палату и немедленно ложитесь спать. Сестра даст вам успокоительное, я распоряжусь. Если что – я в своем кабинете до утреннего обхода, сестра покажет. Дознаватель появится часам к девяти, но, возможно, вы захотите сперва поговорить со мной. Поговорить – это значит честно рассказать, что происходит вокруг вас, – уточнил

он.

– Я поняла.

Попыталась встать – и не почувствовала ног. Все было как-то нереально, будто я просто заснула в Сашкиной палате и мне приснился кошмар. Если бы так… но я все равно не верю. Орлик столько раз умирал, что все разговоры о его смерти следует приравнять к дурацким шуткам.

Кажется, старый доктор хотел меня проводить, но я отстранилась, собрала в кулак все жалкие остатки мужества и побрела в указанном направлении. На автомате дошла до нашей палаты, дежурная сестра куда-то исчезла, оставив лампу гореть. Открыла со всеми предосторожностями дверь, но напрасно старалась – Сашка все равно не спал. Полусидел в кровати, неудобно опираясь головой о высокую спинку, и смотрел на меня. Окно палаты выходило на ярко освещенный проспект, так что, даже прикрыв дверь, я различила этот вопрошающий взгляд.

– Навещала Артура? – В его тоне было скорее утверждение, чем вопрос.

Я помотала головой, боясь даже касаться этой темы:

– Нет, просто выходила проветриться. На заведующего отделением неудачно напоролась.

– Ясно. Слушай, планы меняются, – сказал Дятлов, вытащил из-под одеяла здоровую руку и помахал зажатым в ней мобильником. – Там Вилли подъехал, ждет тебя на стоянке у больницы. Приглашает к себе на новоселье, одним словом.

– Никуда я не поеду! – возмутилась я. – Ты сам просил, чтобы никуда от тебя не уходила, я слово дала!

У моего друга сделался виноватый вид.

– Ну, это я был не в себе малость, вот и погорячился. Торжественно избавляю тебя от данной клятвы. Тебе нужно отдохнуть, а ты же наверняка спать тут

боишься.

Я с удивлением поняла, что даже не вспомнила о своей жутко неудобной особенности. Слишком много всего произошло, и мой прежний кошмар уже не имел особого значения. Хотя, может, уйти из больницы в самом деле стоило, пока не загремела в полицию. Или не свела с ума заглянувшую некстати медсестру.

– А Кимка где, тоже у Вилли? – задала я вопрос.

– Нет, конечно, она дома давно. Вил ее отвез, потом скинул мне эсэмэску, что готов тебя забрать. Я сразу вызвал его сюда, а ты гуляешь где-то. Так что давай в темпе на выход.

– Значит, мы у него там будем только вдвоем? Это ничего? – уточнила я.

– Да ладно, он же твой, как там, пасынок! – развеселился Сашка.

Вообще-то я совсем другое имела в виду. Например, не боится ли Дятлов, что Вилли вдруг решит поскорее переправить меня в Блишем и найдет для этого железобетонные аргументы. Но если Саня другу настолько доверяет, то мне чего волноваться.

Я наклонилась, чтобы поцеловать Сашку. Странный вышел поцелуй, куда-то в переносицу, – я метила в лоб, а Сашка-то подставлял губы. Но я была не в состоянии целовать его сейчас, как прежде. К двери я почти бежала.

Медсестра все еще где-то гуляла, и это к лучшему. Меня преследовало неприятное чувство, что хирург не отпустил бы меня: охота ему объясняться с полицией. Почти добежала до двери в отделение, нащупала замок-защелку, открыла – и была такова. Правда, уже сбегая по лестничным пролетам сообразила, что даже не знаю, где осталась моя куртка, но это не имело особого значения.

Вилли посигналил, едва я выскочила за шлагбаум. Я впервые видела его за рулем, раньше нас всегда возил молодой смешливый водитель, ничуть не комплексующий по поводу того, что катает золотую молодежь примерно своего

возраста. Да и машина была другая, не внедорожник.

– Как ты? – Вил сразу уловил, что со мной все совсем не в порядке. – Держишься?

– Стараюсь…

– Саша как? Не хуже, чем пытается это представить по телефону?

– Он выкарабкается.

– Тогда я спокоен.

И больше по пути Вилли никаких вопросов не задавал, понял, что мне не до них. Я же делала вид, будто задремала, потому что все силы уходили на то, чтобы не завыть в голос. Едва отмечала про себя, что вот мы покинули город, едем по шоссе прочь от Питера, потом свернули на ответвление дороги и минут через пять машина затормозила. Я разлепила глаза, увидела в темноте, как поднимается блистающий разноцветными огоньками шлагбаум на въезде в поселок.

Новый дом Вилли был еще больше прежнего, двухэтажный, с мансардой. А участок и вовсе огромный. Между клумбами и веточными горками петляла рыжая дорожка с подсветкой. Вдоль забора выстроились в ряд важные голубые ели, над широким крыльцом елочной игрушкой сиял желтый шар-фонарь.

Внутри Вил первым делом отвел меня в ванную комнату, где центральную часть пространства занимала стилизованная под старину янтарного цвета ванна на ножках. Но я воспользовалась душевой кабинкой, вышла закутанная в большой теплый халат – дрожь колотила даже после горячих струй. Мимоходом подумала, что тут все же кто-то жил прежде, может, те ребята-всадники, что погибли, защищая нас с Ингой. Были ли среди них знакомые? Нет, не нужно мне этого знать.

Вилли дожидался меня в столовой, у него уже все было приготовлено. Поставил передо мной чашку с чаем и глубокую пиалу, накрытую сверху блюдцем. Я замотала головой:

– Есть не хочу, только пить.

– А ты попробуй.

Он снял блюдце, и я ощутила удивительно знакомый запах. В пиале оказалась вроде как каша из мелких золотистых зернышек.

– Манна, – пробормотала я.

Один из немногих продуктов, который добывался в Нутряном мире, необыкновенно сытная крупа, возвращающая силы больному и ослабленному. Я выдавила улыбку и положила ложку в рот. Теплая волна щекотнула нёбо, растеклась по всему телу. Я перестала дрожать и даже закатала рукава необъятного халата.

– Как Кимка? – нарушила я молчание.

Вил, кажется, твердо решил меня не дергать, а может, просто думал о своем. Но сразу ответил:

– С ней все в порядке, по счастью, она не успела толком испугаться. Вот ее родители – да.

Я вопросительно вскинула голову.

– Лина выскочила в подъезд в тапках и халате, хотела убедиться, что я снова не задремал где-нибудь на ступеньках или в лифте. А там, похоже, уже стерегли бабуля и какое-то существо из Ашера, из тех, кто умеет вводить в транс. Увезли на квартиру Инги и ее сестры, и Лина почти ничего не осознавала, пока я не приехал за ней. Кстати, с сестрой, со Светланой, тоже все в порядке, нашел ее запертой в ванной. Но она-то знала о существовании другого мира, так что была не столько потрясена, сколько испугалась вторжения грубой силы.

– Слава богу!

– Да. Но Кимы уже успели связаться с полицией. Пришлось брать вину на себя, придумывать целую историю, почему я вероломно похитил их дочь, просить

прощения. Простили.

– Но ты рассказал Лине… хоть частично?

– Да почти все рассказал, раз повод подвернулся, – широко и довольно улыбнулся парень.

– И как она? В шоке?

– Да еще в каком… от нас, то есть от меня, конечно же. Сказала, что это шовинизм и неуважение, и нужно было объяснить ей все после той, э-э, роковой ночевки в твоей квартире. И она не попала бы в больницу, не получила репутацию законченной психопатки и не сократила годы жизни своим родителям. Это в кратком пересказе.

– Может, Кимка и права, – сказала я, испытывая внутреннее удовлетворение от того, что моей вины перед подругой не было.

– Возможно. Но я не мог ей рассказать, потому что чувствовал, что что-то назревает. Хотел удержать ее в стороне, но неудачно, как оказалось. – Он помолчал, внимательно вгляделся в меня и спросил: – Пойдешь спать, Дея? Или лучше звать тебя Даной? Как тебе привычнее? Я уже приготовил комнату и очень надеюсь, что ты поживешь тут некоторое время. Дом большой, два крыла почти наглухо изолированы друг от друга, так что тебе будет спокойно.

Я хотела поблагодарить и попросить посидеть со мной еще немного, потому что даже представить не могла, как останусь одна. Но, к моему ужасу, вместо слов из горла вырвался сперва клекот, потом сухие рыдания. Вилли побелел и подскочил ко мне.

– Что?!

– Артур умер, – просипела я вмиг разодранным горлом.

Кажется, Вил даже не сразу понял, о ком я говорю, все его тревоги лежали в другой плоскости. Только потом отреагировал:

– Кныш? Не может этого быть. Не верю.

– Я тоже, но это сказал хирург, который его оперировал. Сказал, что после последнего побега из больницы они не сумели…

Я больше не рыдала, только лихорадочно тряслась. Вил молчал, о чем-то размышляя, потом сказал:

– Дана, когда я передавал Артура врачам неотложки, он рвался защищать тебя, нам пришлось хором умолять его съездить на перевязку. Он послушался, но спросил мой адрес. Думаю, как только его привели в относительный порядок, Кныш немедленно прибегнул к своим приемам, причем на этот раз исчез из больницы так, чтобы его даже не хватились. Просто внушил врачам, что о нем больше беспокоиться не нужно.

Не знала, что надежда может так обжигать изнутри. Господи, о чем я только думала! Это же так очевидно!

– Значит, он сейчас ищет нас? Ведь этот адрес он не знает?

– Тебе необходимо отдохнуть, – мягко заметил Вилли. – Кныш нигде не пропадет, а я немедленно отправлю сукра на его поиски. И, Дана, – он поднял руку, предупреждая мои мольбы, – подлунный сукр справится лучше нас всех, вместе взятых, а тебе нужно восстановить силы.

Я внутренне с ним согласилась, хотя готова была бегать по городу до изнеможения, искать, искать, потому что это легче ожидания. Но в реальности я с трудом удерживала себя в положении сидя и пару раз едва не выронила телефон, пока набирала Орлика. Номер был отключен. Это, конечно, ничего не значило, но… Меня снова затрясло. Вилли положил ладони мне на плечи, дождался, когда я подниму на него глаза, и спросил:

– Это ведь Орлик, верно?

Я коротко вскрикнула – так обжигало это имя. И бессильно уронила голову, что означало положительный ответ.

– Прости, – пробормотал Вил. – Я не стал бы задавать этот вопрос, но надо же удостовериться, что сукр в собачьем обличье его не напугает.

– Как ты догадался? – прохрипела я.

– А кто еще мог с такой одержимостью искать тебя? И кто может быть так важен для тебя, если прежде ты жила лишь однажды, – с какой-то мрачной торжественностью проговорил он в ответ.

Пару минут мы молчали. За это время я сумела совладать с прерывистым дыханием и яростным сердцебиением. Я должна была принять новую реальность: Орлик жив, мы с ним снова оказались в одном отрезке бытия и скоро, возможно, встретимся. Чуточку успокоившись, я снова схватилась за чашку с чаем. Он оказался горячим – Вилли поменял, пока я пребывала в прострации. Я благодарно кивнула другу, растянула губы в улыбке, показывая, что прихожу в норму.

– Ты решила, что будешь делать дальше? – спросил он пару минут спустя.

Если бы я знала, что делать! Хотелось сослаться на усталость и бурю в мозгах, но я тут же напомнила себе: Дея от проблем не бегала. И ответила как можно обстоятельней:

– Думаю взять небольшой тайм-аут, пока память не вернется полностью и все не уложится как-то в голове. Любой пробел может исказить всю картину, и тогда я совершу какую-нибудь ошибку, верно ведь? Как думаешь, сколько времени мне потребуется?

Вилли поднял и опустил могучие плечи:

– Возможно, пара недель. Прости меня, Дана, я не слишком много знаю об этом, только то, что слышал от друзей-всадников. Не исключен вариант, что ты не сможешь восстановить память в полной мере до своего восемнадцатилетия.

Как же мне хотелось ухватиться за эти слова и отложить окончательное решение еще на целых полтора месяца! Если бы не отчаянная тоска и тревога за дочку.

– Я должна увидеть Параклею, снять с нее заклятие! Но главное, мне нужно сперва встретиться с Орликом, узнать, что случилось со мной во дворце. Без этого мне нельзя даже соваться в Блишем. А вдруг я что-то напутала, не так поняла, ведь не мог же он в самом деле убить меня? Бред какой-то!

– Да, скорее всего, тут у тебя в голове что-то спуталось, – с готовностью поддержал меня Вил. – Учитывая, что потом ты будто бы видела, как его поглотила Смертная Тень.

– Во-от! – Я воспрянула духом. – Конечно же я что-то другое видела. Орлик никогда бы… Жаль, что я такую дичь брякнула сгоряча, да еще при твоей бабке. Но все же, Вилли, как ты думаешь: это может как-то отразиться на нем? Ну…

– Ты имеешь в виду, станет ли Властитель преследовать его, как твоего убийцу? – сформулировал мой лепет Вил. Я подавленно кивнула. – Ну вряд ли он станет преследовать его здесь, в этом мире. Другое дело, если Орлик сам объявится в Нутряном мире. Тогда да, возможно.

– Но зачем ему туда соваться-то?!

Парень поднял на меня откровенно смеющиеся глаза:

– Это ведь от тебя зависит. Насколько я понимаю намерения Орлика, он последует за тобой куда угодно, хоть на другую планету. Он искал тебя во всех своих прошлых жизнях, Богдана. Он мог найти тебя ветхой старушкой или, напротив, ребенком, сам будучи в летах. И надо же было такому случиться, что вы встретились здесь, в этом мире, ровесниками. Ты ведь понимаешь, что он не упустит свой шанс, верно?

Нечасто прежде мне приходилось слышать слова настолько ужасные и приятные одновременно. Я пробормотала мигом одеревеневшим языком:

– Но… как же… у меня ведь Сашка есть, и вообще…

На этом я благополучно заткнулась. Вил тоже дал понять, что не хотел бы вдаваться в столь скользкую тему, – и отправился заново заваривать чай.

– Ви-илли… – проныла я, когда он вернулся с чайником на подносе. – Ты бы узнал, если бы с Параклеей что-то случилось? Она точно в безопасности?

Парень изумленно заморгал:

– Дана, да что с ней может случиться? В Блишеме вообще редко что случается, разве забыла? А твоя дочь – сокровище Блишема и всего нашего мира.

От его слов в моем сознании что-то щелкнуло. Я в упор глянула на Вилли:

– Послушай, но ты ведь тоже сын Гамелеха! Ты уверен, что для тебя нет пути обратно в Блишем?

Уф, удалось упомянуть Властителя, не поперхнуться и не покраснеть… кажется. Ужасно неловко было о нем говорить, учитывая все обстоятельства. Но тут я заметила, как побелело лицо моего друга, – и устыдилась собственных заморочек. Он ограничился коротким кивком.

– Но это же несправедливо! Ты отправился в этот мир, чтобы найти меня и защитить, если будет необходимость, так? И в чем проблема? Я лично расскажу Гамелеху, что ты спас меня от неминуемой смерти!

Но Вил резко мотнул головой, на лице его застыло обреченное и непреклонное выражение:

– Дана, дело тут не во Властителе, и ты сама это скоро вспомнишь и осознаешь. Когда-то, убоявшись собственного злодеяния и того, к чему оно привело, он поклялся на кентроне, что каждый убийца в новой земле будет истреблен, равно как и весь род его. И никто из обагривших руки кровью не сможет попасть в Нутряной мир. Обратного действия эти клятвы конечно же не имеют. Если я попробую воспользоваться одним из переходов, через пару мгновений мой бездыханный труп окажется снова в этом мире.

– Но ведь ты можешь попасть туда иначе, разве нет? – взмолилась я. – Есть же какие-то обходные пути? Про Орлика ты говоришь так, словно для него не проблема оказаться там, где ему захочется, а уж он-то убивал сотнями!

– Такие пути есть, – согласился со мной Вилли. – Два мира не так уж сильно разъединены, за тысячелетия немало возникло дорог и тайных троп. На окраинах можно скрываться сколь угодно долго, много кто там обитает – вот только я не стремлюсь пополнить их ряды. Да, я хотел бы вернуться в Блишем, для меня нет города лучше и роднее – нет и никогда не будет. Но честь не позволит мне скрыть от отца случившееся, а он поступит, как должен, чтобы не прогневать кентрон.

Мне очень хотелось спросить Вилли, не мог бы он как-то договориться со своей честью ради более важных вещей. Но я прикусила язык, не желая упасть в его глазах. У Деи и вопроса такого никогда не возникло бы.

– К тому же ты не зря помянула мою бабушку – ее тоже нельзя списывать со счетов, – невесело хмыкнул парень.

– Советницу Хору? – встрепенулась я. – Она-то тут при чем?

Вил вроде как даже удивился моей тупости, сочувственно вздохнул, наверно, списав все на усталость и бардак в моей голове:

– Дея, она много веков охотилась на тебя, чтобы не дать тебе донести на ее дочь! Вчера она узнала правду, но ситуация не сильно изменилась: теперь убийство совершил я, ее внук. Поверь, когда она придет в себя, то тщательно все обдумает. А затем сделает все мыслимое и немыслимое, чтобы я никогда даже не приблизился к нашему миру. Хуже то, что ты так и осталась угрозой для нее, – как свидетельница на этот раз.

– Но я же никому не скажу про тебя! – вспыхнула я и даже с табурета вскочила. – Она же поняла, что мы с тобой друзья, неужто я обреку на смерть твою маму и всех прочих родственников?!

– Разные могут быть обстоятельства, – туманно ответил Вил. – Вдруг Властитель пожелает, чтобы ты подтвердила свой рассказ клятвой на кентроне, и тогда тебе придется рассказать ВСЮ правду. В любом случае нам надо хорошенько все обдумать, прежде чем ты вернешься в Блишем. Да и в этом мире стоит позаботиться о твоей безопасности.

– Ага, – пробормотала я и неожиданно ощутила, что лежу щекой на чем-то гладком и прохладном. – Только сперва Орлик… он найдется, и все будет хорошо… а пока…

– А пока пошли-поехали в постельку, – произнес над самым моим ухом голос Вилли, и я ощутила, как плыву куда-то на его руках.

Потом упоительный запах мяты и мандарина, хруст свежей наволочки, обволакивающее тепло одеяла – и сон без всяких, по счастью, сновидений. И четкое, почти ликующее осознание: «С ним, конечно же, все в порядке. Орлик не мог умереть».

Глава вторая

Неудача в начале пути

– Орлик не мог умереть! – прокричала с высоты белоснежного каменного валуна девочка лет семи.

Она бесстрашно сидела на крошечном сколе на самой верхушке каменной глыбы, натянув на исцарапанные коленки подол синего сарафана, любовно и старательно расшитого цветами и листьями.

Вокруг головы девочки была плотно уложена темно-русая блестящая коса, но часть волос все равно успела выбиться и торчала воинственно в разные стороны. Снизу на девочку, тревожно распахнув глаза, смотрел мальчик ее возраста.

– Но, Зима, о нем ведь ничего не слыхать уже целых три года, – неуверенно возразил он. – Будь он жив, давно бы вернулся.

– Он не может вернуться, дурачок, потому что Властитель наверняка отправил его на Сонную гору. Но это совсем не то, что смерть. Уснувшего можно разбудить.

– Не думаю, что это так уж просто, – рассудительно заметил мальчик. Он подошел ближе к камню и протянул вверх руки, поскольку девочка, разволновавшись, заерзала и опасно наклонилась вперед. – Наверняка все отправленные на гору уже мертвы, иначе родные им люди захотели бы их вернуть.

– Ах, Годим, какой же ты глупый! – скорее с удовольствием, чем с досадой объявила девочка. – Никак не можешь понять: в Блишеме люди не умирают сами по себе. Если бы некоторые добровольно не уходили на гору, в городе уже не осталось бы места. Поэтому таких людей там чтут, как героев. Сродники гордятся ими и вовсе не мечтают их вернуть, хотя могли бы. Варгана, гостившая в доме нашего отца, рассказывала, что разбудить человека может только родственник или сам Гамелех при помощи волшебного своего посоха. А ведь мы с тобой родня Орлику, он нам дядька, не забыл?

Мальчик со звучным именем Годим настороженно кивнул. Как и сестра, он был темноволос, с довольно смуглым овальным лицом. Всякий раз, когда волновался, румянец пурпурными пионами расцветал на его щеках, – а уж Зима то и дело подкидывала ему поводы для волнения своими выходками.

– Наш отец мог бы и сам разбудить Орлика, но он, как и ты, думает, что того давно нет в живых. Значит, это должны сделать мы. Лови!

Выкрикнув последнее слово, девочка перестала упираться пятками в трещины камня и, словно по снежной горке, которую никогда в жизни не видела, скатилась по каменному боку вниз, прямо в тонкие, но крепкие руки брата.

Тр-р-р – подол сарафана зацепился за острый скол и клок синей ткани повис хвостиком. Зима, с одного взгляда оценив ущерб, оторвала подол напрочь и обмотала вокруг запястья.

– Теперь тебе попадет от матери! – расстроенно воскликнул Годим. – Она только утром закончила вышивать!

– Не-а, не попадет! А знаешь, почему? – лукаво прищурилась девочка.

– Н-не знаю…

– Потому что матери будет не до того, когда она снова увидит нас, – так обрадуется, что мы наконец вернулись и привели с собой нашего Орлика. Даже думать забудет про какой-то там сарафан. Тем более, что нам придется найти себе другую одежду: если в нас опознают всадников, то не пустят даже в Брит.

– Ты что, собираешься прямо сейчас?.

– За Орликом? Конечно. Я бы ни за что не сказала тебе заранее, ведь по твоему лицу читать легче, чем считать звезды в ясную ночь. Уже через час вся поляна знала бы, что мы что-то замышляем, и отец с матерью с меня глаз не спустили бы.

Приставив ладонь ко лбу, она глянула против солнца на узкую гряду, клином входящую в небольшое круглое озерцо. Там понуро пощипывала траву одинокая лошадка, золотистые блики плясали на ее опаловых боках.

– Поедем на Айке. Она так сильно тоскует по своей хозяйке, и в сражения ее никогда не берут. Берегут. А в Блишеме мы наверняка встретим Дею, вот они и повидаются. Отдадим ей Айку, а себе взамен попросим ящера, живого или призрачного, без разницы, лишь бы летал, и на нем вернемся домой. Вот уж некоторые удивятся.

Точеный носик Зимы сердито сморщился: наверняка под «некоторыми» подразумевался вероломный Видан, который не изволил дождаться, пока она подрастет, и уже год, как привел в дом молодую жену.

Годим только диву давался: его сестре все казалось легко. А он не мог поверить, что она в самом деле предлагает ему покинуть родной дом, отца и мать.

– Но, Зима…

– Ах, перестань! – вскричала девочка. – Больше не спорь со мной, потому что я уже все решила. С едой у нас не будет забот, потому что я хорошо умею

разводить костер, а огонь любит твое пение и дает тебе все необходимое.

Мальчик покраснел так, будто его самого пару секунд подержали над костром головой вниз. Годим в самом деле унаследовал певческий дар своих предков и дорожил им куда больше, чем даром убивать голосом или мыслью заставлять других людей повиноваться. А именно эти способности теперь были в чести у его народа. Про песни давно уже никто не вспоминал, но мальчик часто, забравшись в чащу, потихоньку напевал мелодии, которые с младенчества слышал от матери. И костер разводил не для того, чтобы получить что-то, а для проверки, хорошо ли выходит. Наивный, он-то думал, что сумел скрыть свою тайну даже от сестры.

– Я только потому и решила тебя взять, что не очень-то люблю грибы и фрукты, – заявила нахальная девчонка, окончательно добивая его. – А больше нам некого и нечего бояться, сам знаешь! Если кто захочет обидеть, в нас тотчас проснутся дары всадников – и пусть тогда обидчик пеняет на себя!

Годим побледнел и виновато опустил голову. Он не смел признаться сестре, что больше смерти боится пробуждения этих самых даров. Потому что тогда ему придется убивать, сражаться наравне со всеми, когда немного подрастет. А он с того момента, как начал думать и понимать, мечтал вернуть мир своему народу. Чтобы сгинули проклятые дары и снова начали рождаться дети с прежними чудесными талантами.

Айка брела еле-еле. Потеряв хозяйку, она утратила и прежнюю свою звонкую резвость. Показательно ускоряла шаг, когда Зима похлопывала ее прутиком по шее, но через десяток шагов снова снижала скорость. Кажется, ей, как и Годиму, совсем не хотелось уходить далеко от знакомой поляны. Мальчик же сперва был занят своими невеселыми думами и не замечал ничего странного в их поездке. Но скоро спохватился, постучал по плечу сестры:

– Эй, Зима, куда мы держим путь? Брит и Блишем сейчас в той стороне, где Айкин хвост.

Зима не обернулась, только досадливо плечом дернула и прокричала на ходу:

– Я не так глупа, чтобы ехать прямиком туда! Скоро кто-нибудь спохватится, что нас нигде не видать, и тогда отец прикажет прочесать весь путь до Брита по

земле и по воздуху. Нас мигом обнаружат. Эх, жаль, что Айка не призрачная лошадь, по небу она донесла бы нас куда быстрее. Я даже подумывала… но нет, не решилась…

Годим закусил губу, поняв, что сестра имела в виду. А та продолжала:

– Но мы поступим хитрее: спрячемся на границе с Хаваимом и переждем пару дней. Никто не станет искать нас там, все знают, что варганы свирепеют, когда люди суются к ним без разрешения.

– Но это и правда очень опасно! – еще больше заволновался мальчик. – Если варганы поймают нас на своей земле, то отправят прямиком в Ашер, а ведь там живут настоящие чудовища!

– Очень мне интересно, как они посмеют это сделать, если мы припугнем их своими дарами! – звонко расхохоталась Зима.

– Которых у нас нет!

– Они сразу же появятся, если кто-то начнет угрожать нам!

И снова Годим смущенно притих и стал еще внимательней глядеть по сторонам. Но пока никакой опасности не было и в помине. Они ехали по лесу, и только призрачные его обитатели время от времени выбегали поглядеть на незваных гостей. Привычная Айка на них не обращала никакого внимания, понуро брела меж деревьев.

Но постепенно лес начал редеть, и Зима все чаще тревожно поглядывала на небо, а Годим – по сторонам. За лесом лежало поле, заросшее густой высокой травой, и ни единого кустика на нем. Наблюдательный мальчик заметил, как странно шевелились травинки: все вразнобой, словно общались и болтали друг с дружкой, и легкий ветерок им был вовсе не указ. На горизонте поле утыкалось в золотистые островерхие холмы.

– Доберемся до холмов и присмотрим себе там какую-нибудь пещеру, вот где нас точно никто не отыщет, – повернулась к брату обрадованная Зима.

– Опасно выезжать из леса, вдруг там и начинается граница с кругом Хаваим, – предостерег Годим.

– Да хватит уж дрожать, как зайчишка, любезный братец! В холмах мы найдем надежное убежище. Тут лес слишком редкий, а возвращаться назад – снова приближаться к поляне. Пошла, но-о! – прикрикнула Зима на уставшую лошадку, не дожидаясь ответа брата.

Айка обогнула последние несколько елочек и зашагала по траве. Скоро дети заметили, что лошадь ступает еще медленнее, будто каждый шаг давался ей с трудом. Несколько раз она недоуменно заржала и опустила голову, поочередно разглядывая что-то под копытами то левым, то правым глазом.

– Видно, совсем устала, – сказала Зима. – Ничего, скоро будем у холмов. А пока можно пройтись и пешком.

– А вдруг там болото и ее копыта тонут в топи? Давай вернемся к лесу.

– Но это совсем не похоже на топь. Тпру, Айка! Сейчас я все разузнаю.

Девочка сползла по крутому боку лошади на землю, потопала ногами и даже попрыгала. Ничего не происходило. Тогда Зима присела на корточки, развела руками густую траву и приложила к земле ладони с растопыренными пальцами. И вдруг испуганно вскрикнула:

– Ай! Она меня схватила! Пусти, окаянная!

Годим со спины Айки и сам видел, как трава в один момент оплела каждый палец девочки; та, что подлиннее, обвилась вокруг запястий, опрокинула наземь и потащила прочь, к холмам. Мальчик скатился на землю с такой скоростью, что плюхнулся на спину, и тут же ощутил, как и его конечности опутывают словно сотни тонких веревок. Вовремя он соскочил с лошади – уже и Айка завалилась на бок, испуганно всхрапывая и дрыгая в воздухе ногами. В общем, теперь с высоты птичьего полета все выглядело так: впереди на животе, громко ругаясь, скользила по траве Зима, за ней – на спине и молча – Годим. Следом неумолимая трава тащила Айку, которая сперва еще пыталась подняться, но потом уронила голову и совершала путь даже с удовольствием – впервые в жизни везли ее, а не она.

Холмы расступились так стремительно, будто разом прыгнули в разные стороны, и все закончилось: дети лежали на берегу какого-то озерца, и их больше ничто не удерживало. Оба поспешили вскочить на ноги и в страхе прижались друг к дружке, обнаружив, что не одни.

Варгана-дерево почти трехметрового роста возвышалась над ними. Ее неохватное тело и широко расставленные ноги укрывал коричневый плащ из коры и листьев, руки-корни она грозно упирала в бедра, зеленую толстую косу перекинула через могучее плечо. И нельзя было сказать, молода она или старуха, – слишком темным и грубым было ее лицо. Только глаза лучились, как тлеющие угольки, пока она внимательно разглядывала детей. Другие варганы, ростом поменьше, толпились за ней.

С холмов шумно осыпались камни: они оживали. Поднимали каменные веки, моргали глазами размером с колесо телеги, трубно зевали ртами-пещерами. Это было так страшно, что дети поспешно отвели взгляд и попятились. Они бы свалились в озеро, но их удержали, – обернувшись, дети увидели двух водных варган: тела словно собраны из прозрачных сосудов, в которых бурлит и пенится вода, головы и плечи густо укрыты пеной, водяной пар окутывает со всех сторон. Айке трава так и не позволила встать, но притащила на самый берег озера, дав напиться. Теперь лошадка была не прочь закусить, тянула морду к травинкам, но получала от них немедленный отпор в виде звучных хлопков по губам.

Варгана-дерево заговорила. Ребята обернулись на ее скрипучий голос, но ничего, конечно же, не поняли. Тогда варгана вперила свой жутковатый взгляд в Зиму. В голове девочки заметались какие-то странные картинки, сперва непонятные, а потом Зима даже сжала от негодования кулаки: варгана смеялась над ней. Мол, напрасно девчонка бешено зыркает в надежде, что дары проявятся и защитят ее и брата. Варгана знает, слышала про народ всадников с их страшными способностями, но здесь, в Хаваиме, они бессильны.

Годим, который тоже ловил эти картинки, облегченно выдохнул: проявления даров он боялся больше того, что могли с ними содеять природные духи. Но тут варгана перевела взгляд на него – и в голове родились уже новые образы.

Теперь Годим видел аккуратные маленькие домики среди березовой рощи, овитые зелеными побегами, тонущие в цветах. Там бегали и смеялись счастливые веселые дети. Варганы приносили им еду и все необходимое, дети

совсем не боялись их, с удовольствием запрыгивали с разбегу на плечи деревьям, погружали лица и руки в тела водных варган, катились с хохотом с крутых спин холмов. А на закате собирались кружком у ног самых древних варган и с благоговением слушали их истории. У детей были серьезные лица – они учились. Их готовили к чему-то замечательному, хоть и непростому, и каждый был готов на все, лишь бы поскорее вырасти и приступить к главному делу своей жизни. И он, Годим, мог быть среди них. Но только без сестры – ей нет места в круге Хаваим.

Мальчик словно проснулся от сладкого видения, с усилием помотал головой: нет, без Зимы он тут не останется, он должен присматривать за ней, без него сестра точно натворит глупостей. Варгана снова что-то сказала ему при помощи чудесных картинок – он понял, что ей жаль, но оба ребенка – и лошадь в придачу – будут выброшены в круг Ашер, где царят ужас и беззаконие.

– Что она тебе говорит? – нетерпеливо вскрикнула Зима, которая больше не видела картинок.

– Нас отправят в Ашер, – едва смог вымолвить Годим.

– Ну и подумаешь, оттуда мы найдем способ попасть, куда нам нужно, минуя Хаваим.

Но тут из-за спины самой высокой варганы торопливо выступила еще одна, только подоспевшая, и скрипучим голосом приветствовала детей на их языке. Зима сразу ее узнала: эта варгана несколько недель гостила в Кукушкином Гнезде. Она прилетела к ним на призрачном волке, рассказывала множество замечательных историй обо всех пяти кругах этого мира и повадках его обитателей. Она была веселой и говорливой, но сейчас ее лучистые глаза смотрели на брата с сестрой хмуро и тревожно.

– Зачем вы проникли в наш круг, несмышленыши? – проскрипела варгана. – Вам нельзя тут остаться. Всех, кто приходит сюда без приглашения, мы отправляем в Ашер, дабы неповадно было другим!

– А вы не можете попросить, чтобы нам позволили немного погостить в Хаваиме или хотя бы сразу отпустили нас обратно? – спросила Зима, не забыв сперва поклониться. – Ведь вы знаете наших родителей, вы были нашей гостьей!

– Не я тут решаю, – печально качнула та головой, небрежно обвитой коричневой лохматой косицей.

Но все же обернулась к высокой варгане, заговорила горячо и с мольбой. Та слушала, изредка кидала пару фраз, отрицательно качала головой, однако под конец кивнула. Знакомая варгана снова обратилась к детям:

– Брат может остаться, сестра – нет. Вы готовы разделиться?

– Нет! – выкрикнул Годим, краем глаза заметив, как вспыхнула и тревожно покосилась на него Зима.

– Тогда вам придется немедленно покинуть Хаваим. Но я дам вам несколько советов, которые, возможно, спасут ваши юные жизни. Не пытайтесь воспользоваться в Ашере способностями всадников, иначе будете немедленно убиты. Среди тамошних созданий есть такие, которые легко смогут противостоять вам. Не говорите на своем языке, пусть думают, что вы из тех человеческих детей, которых мы принимаем на воспитание, но возвращаем назад, если мысли их перестают быть чисты. Делайте вид, что потрясены изгнанием и не в силах разговаривать. Постарайтесь не разлучаться и при возможности бегите из Ашера. Я все сказала.

Годим выслушал эти слова молча, не поднимая глаз. Но затем выступил вперед и вскинул голову:

– Могу я спросить, госпожа Нефеш?

Зима уставилась в затылок брата со страхом и вызовом, крепко сжала кулаки. А варгана покачала головой:

– Я прочитала вопрос в твоих мыслях, милый. Увы, и тут отказ. Вам придется забрать лошадь с собой, мы не можем допустить, чтобы она питалась обитателями Хаваима. К тому же она может вам пригодиться. Да, и вот еще…

Варгана шагнула к мальчику и сложилась пополам, делая вид, будто хочет сказать ему что-то на ухо, а сама рукой, похожей на трухлявую ветку, незаметно раскрыла его ладонь и что-то в нее вложила. И тогда уж прошептала:

– Береги мой подарок, если он станет вашим другом, то изо всех сил будет помогать вам, пока не наступит время дать ему свободу.

Годим с удивлением ощутил, как что-то прохладное и влажное отчаянно забилось в его кулаке.

Едва варгана отступила назад, как трава снова опрокинула и потащила их: сперва к озеру, чтобы дать напиться и в темпе освежить горящие лица, потом мимо россыпи озер и рощиц к высоченной каменной гряде. Там что-то происходило: дети слышали грохот и замечали движение чего-то огромного, но пока деревья мешали им разглядеть, в чем дело.

Но вот и последняя поляна на границе с Ашером. Трава отпустила, и дети смогли встать на ноги, держась друг за дружку и испуганно озираясь. Перед ними два исполинских каменных утеса то расходились в разные стороны, сминая гармошкой пограничную гряду, то с трубным звуком сходились, не оставляя ни малейшего зазора. Тогда буквально на мгновение блаженная тишина заполняла поляну. Но затем в сплошном массиве вновь появлялась щель, и немедленно в нее с внешней стороны с воплями и мольбами пытались протиснуться люди в разодранных одеждах, с измученными, полными отчаяния лицами.

Одних отшвыривали или топтали в давке, другим все же удавалось проскочить на поляну. Не только люди, но и жутковатые создания Ашера всеми силами пытались задержаться тут. Однако трава и заросли кустарника, растущего вдоль гряды, моментально сбивали их с ног и волокли назад. Одних успевали выкинуть еще до того, как утесы вновь смыкались, другие орали и отбивались, пока глыбы не расходились в стороны, но результат неизменно бывал один.

Вот гряда отворилась, и Айка оказалась за пределами Хаваима. Дети дружно вскрикнули от страха за несчастное животное, но тут настал и их черед.

Шум того места, где они оказались, оглушал. Дети упали на неровные черные камни, которыми была вымощена просторная площадь. Все здесь было из этого камня: и строения, окружающие площадь, и островерхие пирамиды, к которым были привязаны какие-то диковинные животные, и длинные прилавки, заваленные товаром. Торговцы как ни в чем не бывало зазывали народ надсадными криками. А вокруг брата и сестры все теснее сжималась толпа странных и страшных существ в лохмотьях. Мелькали среди них и люди, но

совсем немного, и лица их были настолько искажены злобой и тоской, что они мало чем отличались от чудовищ. И все скалились, хохотали, выкрикивали что-то – едва ли это были слова сочувствия.

Едва Зима попыталась вскочить на ноги, как существо с тонкими и длинными многопалыми конечностями толкнуло ее обратно на мостовую, одновременно сорвав с шеи бусы из янтаря – подарок матери, принесенный еще из Кречета. А кто-то мохнатый, с двумя парами рук, попытался схватить Годима.

И вдруг толпа с негодующими воплями начала пятиться прочь, а кто не слишком спешил, на того откуда-то сверху сыпались удары кнута с нанизанными на «хвосты» мелкими острыми камешками, которые мгновенно рассекали кожу. Дети осмелились запрокинуть головы: над ними замерло огромное косматое существо с хоботом и загнутыми полукругом бивнями, которые спускались до земли и высекали искры из мостовой. Разглядеть, кто на нем сидит, с земли было невозможно, но тут откуда-то сверху упала, расплетаясь, веревочная лестница.

Дети, ни секунды не медля, вскочили на ноги, и Годим придержал лестницу, пока Зима бойко карабкалась наверх. В этот момент они даже не задумывались, что ждет их там, на спине гиганта, только бы подальше от толпы.

Вот и последние перекладины. Годим, взобравшись следом за сестрой, обнаружил на спине животного квадратный помост под балдахином, застеленный коврами и перинами, заваленный подушками. В центре возлежал толстый мужчина в нескольких шелковых халатах, усыпанных драгоценными камнями, в высокой чалме, свободный конец которой прикрывал его шею и нижнюю часть лица. Вокруг мужчины на золотых и серебряных подносах были расставлены кувшины, кубки, блюда с фруктами и сладостями.

По его приглашающему жесту дети робко ступили на помост. Тут еще один человек, сидящий в люльке почти на самой голове мохнатого гиганта, заливисто свистнул и хлопнул пятками по развесистым ушам, и гигант тронулся с места. Брат и сестра, не удержавшись, растянулись на коврах. Толстяк с ласковым взором протянул кубки с напитками, и дети жадно припали к ним. Ашерец пытался завести с ними беседу, но, помня слова варганы, дети помалкивали, и тот скоро отстал, откинулся на подушку и громко захрапел.

Но они все равно молчали – опасались возницы или возможной хитрости. Годим услыхал что-то вроде цокота копыт по левую сторону гиганта, свесился и к восторгу своему разглядел там Айку, привязанную к помосту длинной веревкой. Знаками Годим сообщил об этом сестре, и хмурое, измученное лицо девочки на мгновение просветлело от этого известия.

А вокруг раскинулся город, черный, мрачный, без единого намека на деревце или хотя бы травинку. Замки вокруг становились все выше, своими уродливыми башнями заслоняли небо и солнце, которое, по всем приметам, уже почти закатилось. Наконец животное остановилось у одного из самых огромных строений за высоким забором, железные, с шипами, ворота распахнулись, и они очутились во дворе, тонущем во мраке. Толстяк немедленно проснулся, сладко зевнул и указал детям на плетеную лестницу. Для него самого с другой стороны уже подтягивали носилки на канатах, свисающих с каменных колонн. Он еще не спустился, а выбежавшие слуги уже увели внутрь замка детей, в глубь бескрайнего двора – Айку.

Внутри замок выглядел несколько веселее: стены сплошь были покрыты мозаикой из драгоценных камней, правда, изображали они в основном битвы и казни. В свете многочисленных факелов картины выглядели ужасающе, и даже хорошо, что детей быстро гнали вперед, не давая глазеть по сторонам.

Вскоре они уже были в просторном помещении с низким потолком, под которым густым облаком клубился пар. На огне кипели котлы с водой, еще два стояли на полу, разделенные ширмой. Зима ощутила слабость в ногах при виде этих котлов: вдруг их собираются сварить и съесть? Но нет, много ужасных историй слышала она про обитателей Ашера, но ни в одной не говорилось, что те – людоеды. Да и хозяин замка выглядел, как обычный человек, и это немного утешало.

Но думать было некогда: слуги подвели брата и сестру каждого к своему котлу, мигом освободили от одежды и погрузили в воду. Котлы оказались настолько огромны, что, даже стоя на цыпочках, дети едва удерживали носы над поверхностью воды. А их уже мылили, и терли, и поливали сверху десятки лап, потому что слуги на людей совсем не походили.

Пытка казалась бесконечной. Когда Зиму и Годима вытащили из котлов и поставили на железные скамеечки, кожа их была красна, а дети так измучены, что едва держались на ногах. Слуги принялись облачать их в немыслимые

наряды, расчесывать и втирать что-то в волосы, обливать благовониями. После этого их пронесли по замку в сидячих носилках и выгрузили в другом зале, где на коврах были расставлены всевозможные кушанья и напитки, а вокруг возлежали чрезвычайно тучные дети. Некоторые из них лениво возили руками в тарелках, другие просто лежали на спине с распахнутым ртом, а слуги вкладывали туда пищу и вливали напитки. Какие-то из прислужников походили на животных и были частично покрыты шерстью, другие – на насекомых со множеством конечностей. Но брата и сестру они не особо пугали: оба родились в волшебном мире.

Дети были так измучены, что есть совсем не могли, хотя яства выглядели и пахли изумительно. Но пришлось некоторое время, жалобно переглядываясь, делать вид, будто они поглощают пищу, – иначе ими бы занялись слуги.

Наконец кормление закончилось, и детей на носилках разнесли в разные стороны. Зима с Годимом оказались в одной комнате, богато украшенной, ковры здесь были даже на потолке. Уже были заботливо расстелены две кровати с множеством перин и подушек, но дети до них не дошли, рухнули на пушистый ковер. Поначалу они даже говорить не могли, но потом Зима простонала:

– Знаешь, когда мама меня мыла, всегда казалось, что она попутно наказывает меня за проступки, о которых только подозревает. Теперь-то я вижу, что ошибалась!

Она со стоном попыталась развязать многочисленные атласные ленты и перевязки своего одеяния, но только еще сильнее их затянула. Так же вышло и с волосами, заплетенными в сотни тонких косичек и собранными в подобие того замка, в котором находились дети.

Годим только вздохнул: как бы хотел он сейчас оказаться дома!

– Нужно как можно скорее бежать отсюда! – объявила девочка. – Вот только как? Гадкая варгана, почему она не помогла нам? Ведь мы принимали ее в своем доме как дорогую гостью!

– Думаю, она сделала для нас все, что могла, – заступился за природного духа Годим. – Подсказала, как мы должны себя вести, и посоветовала выбираться из Ашера поскорее.

– Вот интересно, каким образом? Если даже мы сумеем убежать, то путь все равно будет лежать через Хаваим, и нас снова схватят.

– Значит, должен быть другой путь. Зима, ты ведь догадалась, кто были те дети?! – взволнованно спросил мальчик.

– Какие-то раскормленные бездельники. А что?

– Нет! Это дети-монеты! И мы теперь – одни из них!

– Что?! Быть не может! – Девочка в сильнейшем испуге вскочила на ноги. – Но ведь в Ашере нет Смертных Теней. Зачем им такие дети?

– В мирное время местные обитатели общаются с жителями Брита и Блишема, покупают у них еду и все необходимое – ведь здесь огонь не служит людям, и поэтому они почти все такие бедные и злые. И что они могут предложить в обмен? А за ребенка-монету можно получить все что угодно.

– Понимаю, – медленно проговорила Зима, опускаясь на колени. – Значит, чем быстрее нас с тобой решат использовать по назначению, тем лучше. Хозяин отвезет нас в Брит, и там мы уже проявим свои дары и сбежим. Замечательно!

– Да, но могут пройти годы, прежде чем хозяин обменяет нас, – покачал головой опечаленный Годим.

– Можно ускорить! Вот попробуем пару раз сбежать, он устанет разыскивать нас и решит избавиться поскорее…

– Не выйдет, Зима. Дети-монеты ценятся тогда, когда они покорны и равнодушны ко всему на свете, даже к собственной судьбе. Хозяин не посмеет предложить знатному обитателю Брита строптивые монеты. Нас просто запрут в каком-нибудь подземелье, будут там держать и откармливать, покуда не станем смирными.

– Да, твоя правда. – Это был один из тех редчайших случаев, когда Зима прислушалась к словам брата. – Тогда, наоборот, нам придется прикинуться покорными и равнодушными, так?

– Так, но едва ли нам удастся превзойти тех, кого мы видели только что…

Девочка помолчала, вновь признавая правоту брата, но вдруг воскликнула:

– Ох, Годим, у тебя рука посинела!

Мальчик посмотрел на свои руки: с левой все было в порядке, а вот правую он так крепко сжимал в кулак, что она и впрямь потеряла чувствительность и привычный цвет. Тут Годим вспомнил про существо, которое вложила ему в ладонь варгана напоследок. Мальчик всеми силами пытался не потерять подарок, пока его мыли, одевали, причесывали. Но, возможно, бедное существо уже мертво, ведь во время мытья он держал кулак под водой.

Мальчик осторожно разжал онемевшие пальцы. Подарок варганы был жив, он так и заметался по ладони, стараясь найти себе укрытие. Теперь-то Годим разглядел его получше: у существа было прозрачное змеиное тельце длиной с указательный палец мальчика, круглая голова и совсем крошечные ручки, которыми оно сейчас закрывало то место, где у людей бывает лицо, и издавало при этом жалобные звуки. Годим догадался, что существо плачет, и немедленно проникся к нему сочувствием. Но тут сестра, на коленках подобравшись поближе, схватила существо двумя пальцами, и оно немедленно распалось на половинки.

– Что ты творишь?! – в ужасе закричал мальчик. – Ты убила его!

Он отдернул ладонь подальше от сестры, но, кажется, обошлось: разорванные половинки тут же стеклись, соединились. А бедное создание заметалось еще энергичнее, ища убежища и не находя его.

– Я знаю, что это такое, – заявила девочка, вытирая пальцы о пышную парчовую юбку. – Это вода, ручеек. Непонятно, зачем его дала варгана, какой от него прок. Но поглядим, вдруг на что и сгодится.

Она взяла золотую коробочку с откидной крышкой, лежавшую среди сладостей на одном из расставленных на ковре подносов, вытряхнула оттуда какие-то благовония, промыла водой из кувшина и поднесла брату. Тот осторожно переместил туда ручейка, который тут же забился в угол и обхватил голову

руками. Годим закрыл поплотнее коробочку крышкой и сунул в карман зеленых бархатных шаровар.

Глава третья

Пусть хоть что-то останется прежним…

Сквозь сон я ощутила, как чьи-то теплые пальцы смыкаются вокруг моего запястья, нежно щекочут ладонь, и проснулась с отчаянным воплем:

– Орлик?!

Но рядом с моей постелью испуганно замерла Кимка, лицо – встревоженное и виноватое.

– Богдашечка, это я. Прости, что разбудила, но ты так долго спишь, мне прямо страшно стало за тебя. А я обед приготовила, все жду и жду…

Я рывком села, помотала головой, огляделась – вообще не помню, как тут вчера оказалась. И кто раздел меня до трусиков и футболки, не Вилли же… надеюсь. Комната уютная, с песочного цвета стенами, с двумя арочными оконцами, сейчас плотно занавешенными. Бежевый шерстяной ковер на полу, шкаф и журнальный столик, в каждом углу – по изящному бра с разноцветными плафонами. Лампа над головой круглая, словно клубок из зеленых нитей.

Около кровати я заметила кресло-мешок мятного цвета с кошачьими мордочками и немедленно переползла туда с постели, потому что спина ныла и нужно было срочно изменить положение. Кимка тем временем раздернула занавески, и я увидела за окнами подстриженные деревца – шары и колбаски на палочках, еще не слишком облетевшие, зеленовато-бурые. Эта осень тянулась

для меня целую вечность.

Силуэты деревьев уже обрели ту рельефность, которая бывает в сумерках. Ничего себе, как это мне удалось проспать весь день! Ну, ладно, не весь, темнеет сейчас в районе четырех. Понятно, почему каждая косточка болит и живот крутит от голода. Перед глазами все плывет… Я крепче обняла руками узкую часть кресла.

– Ой-ей, ты совсем бледная, оставайся лучше в комнате! – заголосила подруга, оглядев меня при тусклом свете дня. – Давай я тебе кофе принесу прямо сюда, а потом уж пообедаем, ладно?

– Ага! Насчет Сашки есть новости?

– Идет на поправку, – заверила меня Кимка. – Это с его слов. Бегу за кофе.

Было так приятно, что Кимка ухаживает за мной после всех наших с ней передряг и недоразумений. Пусть моя жизнь перевернулась с ног на голову, но отношения с любимой подругой все так же были для меня важны.

Она скоро вернулась, таща поднос, нагруженный двумя чашками кофе, множеством всяких вазочек и блюдом с упоительно пахнущими горячими бутербродами с сыром, колбасой и зеленью. Поднос Кимка поставила на кровать, а сама плюхнулась рядышком с ним на живот и подперла подбородок руками, не сводя с меня глаз с каким-то особым, непонятным мне выражением.

– Что, гимназия побоку сегодня? – прочавкала я, предварительно запихав в рот половину бутерброда.

Все так основательно смешалось в моей голове, даже забыла, что подруга давно уже на больничном. Кимка прыснула:

– Сегодня же воскресенье, но ты, понятное дело, дни недели не наблюдаешь. А с понедельника я возвращаюсь в родной класс. Ох, Богданка, как подумаю, что теперь буду там без тебя и без Вилли, лучше сразу умереть!

И она со стоном уткнулась лицом в одеяло. Свободной рукой я провела по блестящим волосам подруги и тоже загрустила. Как никогда в жизни мне в этот момент захотелось отправиться в школу, как будто я обычная девчонка семнадцати лет и в моей жизни не случилось ничего необычного. Но, похоже, даже лучшая подруга исключала для меня такую возможность.

– А где вообще Вилли? – спохватилась я.

– Поехал в больничку проведать Саню.

– Эй, почему без меня?! – Я возмущенно подпрыгнула, едва не перевернув поднос, на край которого неловко оперлась, пытаясь встать. – Трудно было разбудить?

– Нет-нет-нет! – вцепилась в меня подруга, не давая спустить на пол ноги, будто я могла дать деру в одном белье. – Тебе нельзя там появляться, Дятлов еще утром позвонил и предупредил. Там полицейские просто мечтают с тобой пообщаться и выведать подробности, кто стрелял, где и почему. Сашке что, он глазки закатит, от него тут же все отстают. А тебе никак нельзя!

Ясно, я на нелегальном положении. Как не вовремя! Вилли, конечно, попытается разузнать об Орлике, но невыносимо ожидание и бездействие. А Кимка, не обращая внимания на мой удрученный вид, уже вовсю меня тормошила по другому поводу:

– Данка, ну давай же, расскажи мне все-все-все! Это просто в голове не стыкуется, поверить до сих пор не могу: моя подруга из другого мира, да еще королева!

Я закатила глаза от такого беспардонного перевирания фактов:

– Кимка, да у тебя все спуталось в голове, бедняжечка моя! Я как раз из этого мира, то есть была из него… когда-то очень-очень давно. И уж точно не королева, никаких королей там нет, только Властитель, он же творец и создатель. Вот твой парень определенно из того мира, да еще и сын Властителя!

– Ну это тоже круто, – удовлетворенно кивнула моя подруга, словно иначе в ее жизни и случиться не могло. И снова потребовала: – Так, Данка, приступай уже к делу! В смысле рассказывай, что ты вспомнила из той своей жизни!

Сначала я хотела отказаться под каким-нибудь основательным предлогом, например, сказать, что голова страшно болит, – Кимка мигом отстала бы. Даже страшно было касаться пластов памяти, разом обрушившихся на меня, как сырой песок из ковша, и грозивших взорвать мой несчастный мозг. Но потом вдруг показалось, что это не такой уж плохой вариант – рассказать подруге о Дее. Может, мне удастся найти в воспоминаниях хоть крошечку себя? Я устроилась в кресле поудобнее и начала говорить…

К концу моей истории мы обе сидели зареванные, Кимка еще и чуть пальцы себе не сломала от переживаний. Едва я замолчала, она с кровати протянула руки и крепко меня обняла. Шикарное постельное белье оказалось безнадежно испорчено все-таки перевернувшимся подносом.

– Господи, Даночка, сколько же ты всего пережила! Или мне теперь называть тебя Деей?

– Не надо, – слабо дернулась я в объятиях подруги. – Я не чувствую себя ею… пока еще.

– Но ведь ты все так хорошо помнишь, будто это случилось только вчера. А скажи, – Кимка отползла назад, с тревожным любопытством заглянула мне в лицо, – ты очень его ненавидела?

– Кого?!

– Ой, ну этого Властителя вашего, отца Вилли! Это ведь ужасно, когда тебя насильно берут замуж, а ты в придачу до безумия любишь другого!

Я задумалась, а Кимка испуганно затихла. Только через пару минут мне удалось подобрать нужные слова, и впервые, кажется, я не о ком-то другом рассказывала, а говорила о себе:

– Нет, Ким, я не испытывала к нему ненависти. Скорее, иногда ненавидела себя, но это было в первые годы брака. Понимаешь, когда я узнала, что на самом деле ожидало нас в том мире и что Орлика, скорее всего, уже нет в живых, – я будто душой умерла вместе с ним. Все, что мне оставалось, это принести хоть какую-то пользу моему народу и надеяться на скорейший уход туда, где Орлик, возможно, будет ждать меня. Когда я узнала об условии Властителя, то поначалу пришла в ужас. Но потом поняла: вот то, что я могу сделать для своих соплеменников. А если Властитель окажется жесток и требователен, тем лучше, его гнев сведет меня в могилу быстрее, чем моя скорбь. Но все оказалось иначе: Гамелех был добр и терпелив со мной, и это было невыносимо… поначалу. Потом я родила дочь и тогда же узнала, что внутри была, как в те времена говорили, гнилой. Не знаю, может, сейчас это лечится на раз, но по тем временам смерть моя и младенца была неизбежна. И тогда, сложись все иначе, уже Орлику предстояло бы принять муку и скорбь, которые я ему точно не желала. А в Блишеме нас с трудом, но спасли. Я не спускала с рук малышку, упивалась ее красотой, а ведь она была копией своего отца, Властителя. Мне больше не хотелось поскорее умереть – снова было для кого жить. Так что все это очень непросто, понимаешь?

Кимка завороженно кивнула, потом ее губы растянулись в лукавой ухмылке.

– Вот так и знала, Данка, что кое в каком опыте ты меня опередишь.

– Фи, Кимка, ну как не стыдно такое говорить! – задохнулась я от возмущения.

– Ой, вот только древнерусскую скромницу из себя не строй! Крыть-то нечем, и замужем ты побывала, и ребеночек имеется. Ужасно хочется увидеть твою дочку. Вилли говорит, она очаровашка… О, Вилчик вернулся!

Что-то там расслышав в глубине дома, она метнулась прочь из комнаты. А вот у меня от вчерашнего грохота и воплей слух, похоже, здорово просел. Одной в комнате было неуютно, я снова перебралась на кровать, натянула одеяло до подбородка из-за внезапного озноба. Вдруг у Вилли плохие новости?

Они скоро появились вместе: румяный с улицы Вил обнимал Кимку за талию. Он улыбался, но выглядел измученным, похоже, ночью ему не удалось толком отдохнуть. Наверняка переживал и думал о Блишеме. Лично для меня этот город не стал любимым домом, но я знала, как дорожат тамошние обитатели своим

миром, как бесконечно преданы Вечному городу. Как только Вилли угораздило стать искателем меня и влипнуть в такую заварушку?!

– Есть известия? – От тревоги язык не желал двигаться нужным образом. – Как там Сашка?

Увы, это не был первый по важности вопрос для меня. О самом главном я спрашивать даже не смела.

– Он в порядке, – ответил Вил, метнув на меня такой взгляд, будто видел насквозь. – А вот врачи точно находятся под внушением насчет Орлика, расходятся в своих показаниях. У меня нет сомнений, что он жив.

Я задохнулась от счастья.

– Саша передает тебе пламенный привет, – продолжал он невозмутимым голосом свой отчет. – Чувствует себя лучше с каждой минутой, особенно после того, как я контрабандой пронес ему склянку с нашим блишемским снадобьем.

– Колдовское зелье? – встрепенулась Кимка.

– Нет, просто целебный препарат на основе растений-эндемиков нашего мира. Александр полон решимости исцелиться уже к вечеру, хотя я уговаривал его не шокировать врачей. И так уже слишком много внимания к себе привлекли.

Я понуро съежилась на постели:

– Меня ищут?

– Скажем, тобой настойчиво интересуются, особенно твоим местонахождением.

– Значит, домой мне тоже нельзя теперь?

– На ближайшее время твой дом здесь, – заверил меня Вилли и обвел рукой комнату. – Составь список того, что тебе нужно: одежда, предпочтения в пище и питье, словом, все, что мне стоит знать. И я постараюсь – мы с Линой постараемся, – чтобы тебе тут жилось хорошо и спокойно.

– Ну да, ты постараешься, конечно, – протянула я уныло. – Спасибо. Только мне еще нужно в гимназию ходить. Если останусь жить в этом мире, куда я без образования-то?

– Я буду после школы заниматься с тобой, – тут же вызвалась Кимка. – А Вил будет нас обеих всяким точным наукам учить, в которых я ни бум-бум, к экзаменам натаскивать.

– Диплом же мне на дом не принесут… – начала я и осеклась, вспомнив, что Дея не ныла по куда более серьезным поводам.

Ну что ж такое, опять я потеряла себя. Или еще не до конца нашла?

Вилли смотрел на меня очень серьезно, как будто обдумывал проблему, но потенциальное решение пока было ему не по вкусу. Потом проговорил осторожно:

– Появление Орлика – а я уверен, что он скоро объявится, – могло бы здорово нам помочь. С его талантами он без труда добьется того, чтобы тебя оставили в покое люди из полиции, ты бы смогла вернуться в гимназию… С другой стороны, мы не знаем, что у него на уме и почему в твоих воспоминаниях он убил тебя. Конечно, мог бы помочь и любой другой всадник, многие ради тебя согласились бы прийти в этот мир без надежды вернуться назад, но…

– Что ты, не надо! – вскричала я с таким ужасом, словно он уже посылал мысленный призыв какому-то неизвестному мне всаднику. – Я из-за тех-то ребят успокоиться не могу. Конечно же Орлик объявится и все сделает как нужно. Знать бы только, где он сейчас. Почему убежал из больницы? Вилли, ну ты хоть что-то еще разузнал о нем?

Парень задумчиво кивнул, и я даже вскрикнула от нетерпения и волнения.

– Ночью я отправил сукра на поиски. Пролетая над рощей, расположенной между моим бывшим домом и шоссе, сукр обнаружил там бездыханное тело. Человеческое. Я съездил туда, чтобы сделать пару снимков. Показал Саше, и он подтвердил: именно этот парень сидел в отделении полиции, когда следователь повел себя так непредсказуемо. Предположительно это всадник из той пары, о

существовании которой мы знали. Девушка прежде уже нападала на Орлика.

– Покажи мне, – робко попросила я.

Но Вил категорично мотнул головой: нет. Наверно, боялся, что узнаю кого-то знакомого по тем временам, когда я была Деей.

– Внешних повреждений у парня нет, – продолжил Вил. – Значит, он встретился с Орликом и проиграл ему схватку. А если бы неизвестный добрался до моего дома, куда явно направлялся, то едва ли кто-то из нас был бы сейчас жив.

Я поразилась тому, как спокойно Вил это сказал, а Кимка порывисто вздохнула и вцепилась в его ладонь.

– Но где же сейчас Орлик?! – почти выкрикнула я. – Почему, разобравшись с парнем, не объявился в доме? Раз знал, что мы там держим оборону?

Вилли пожал плечами:

– Этого сказать не могу. Адрес мой он знал, из парня наверняка вытянул нужные сведения… но там еще могла быть та девушка, всадница…

– Господи! – простонала я, враз накрытая липким ужасом.

Та гадина ведь уже ранила Орлика, неужели во второй раз… В глазах начала сгущаться мгла, а голоса стали затухать и отдаляться.

– Но следов крови там не было, я каждую травинку проверял! – докричался до моего меркнущего сознания Вилли. – Скорее Орлик сумел обезвредить всадницу первым или вынужден был убегать от нее. Бесполезно тут гадать.

Но моя подруга, похоже, не собиралась ставить точку в обсуждении темы.

– А может, он просто прячется от нас? – задумчиво произнесла она. – В смысле от Даны.

Мы уставились на нее, я – в немом изумлении, Вил – вопросительно приподняв бровь.

– Ой, ну вы чего, это же очевидно. – Кимка обвела нас насмешливым взглядом, словно дивясь нашей наивности. – С той девчонкой он мог на раз справиться: просто изменил ей память – и до свидания, дорогая, – заявила она с поразительной уверенностью, словно знала всадников куда лучше нас обоих. – Добрался до дома Вилли, оценил ситуацию, понял, что его помощь больше не требуется, и решил пока не объявляться. Понятно почему, да?

– Нет, – хором ответили мы.

– Да вы как маленькие, в самом деле! Орлику нужна только Дана, верно? Он мог понять, что к ней вернулась память, прикинуть свои шансы. Да, она его вспомнит, но и Сашку не забудет. Да, Орлик ранен, но и Санек – тоже. Но Дятлов в больнице, с ним все под контролем, а Орлик – неизвестно где! В результате из-за кого ты больше волнуешься и сходишь с ума?!

– Из-за Орлика, – пробормотала я убитым голосом.

– Ну вот, а ему только этого и нужно. Мой папа называл такой расклад «последний шанс».

– Дядя Сережа? – Я совсем растерялась, не понимая, он-то с какого боку проскочил в наш разговор.

– А ты знаешь других моих пап? Когда он был в нашем возрасте, то решил для себя, что девушка может не понимать своих чувств к парню, особенно в наше время, когда головы молодых забиты всякой чушью. И если она отвечает отказом, то надо испробовать последний шанс: смертельно заболеть или исчезнуть. Но! Только после того, как признался в своих чувствах. Тогда девушка заволнуется: поклонник пропадает! – и проявит интерес, придет в больницу, побежит в полицию, словом, будет переживать из-за него и в какой-то момент обнаружит, что влюблена по самое не хочу. Вот если и этот способ не поможет, тогда все, пиши пропало. Поэтому, прежде чем сделать маме предложение, папуля тщательно подготовился, навел справки, как довести себя до смертельной – но не совсем – болезни или бесследно исчезнуть и какое-то время жить на нелегальном положении.

– И какой вариант пригодился ему в конечном счете? – озадаченно спросил Вил, который, похоже, не ждал ничего подобного от своего потенциального тестя.

– Никакой! – гордо вскинув голову, объявила Кимка. – Потому что мама сразу ответила ему «да»!

После недолгой паузы я сказала:

– Все это очень интересно, но Орлик не стал бы… он никогда не был особо хитрым.

– Дан-ка! – всплеснула руками подруга. – Он же прожил пару десятков жизней, очень даже нелегких, и как минимум одну из них – на Земле. В смысле в нашем мире, а у нас тут быстро учатся всякому-разному. И он точно будет использовать все возможные способы, чтобы заполучить тебя. Хотя лично я, конечно, на стороне нашего Сашки, – сочла нужным уточнить она.

От Кимкиных слов меня бросило в жар. Только сейчас я осознала, что моего прежнего Орлика больше нет. Он живет еще в моей памяти, хотя сам, вероятно, давно забыл себя прежнего. В этот миг я отдала бы всю свою вторую жизнь, только бы вернуться в то утро, когда я стояла босыми ногами на мшистом холмике и махала рукой любимому, а он уезжал прочь во главе дружины на своем великолепном Балабане и старался смотреть только вперед, но сам все поворачивал и поворачивал лицо в мою сторону. Это было наше последнее счастливое воспоминание.

Потом были еще две встречи – совсем другие, вспоминать их горько и страшно. Возможно, тогда Орлик уже возненавидел меня. Может, и здесь, в этом мире, его ведет одно желание – убить меня еще раз, утолить свою горечь и обиду. А то, что защищал, – понятное дело, и хищник сперва отгонит конкурентов, чтобы спокойно заняться загнанной и парализованной от ужаса добычей.

Кимка подошла к кровати и попыталась взять меня за руку, но я почти отпихнула ее с хриплым воплем:

– Оставьте меня! Оба!

Вилли мгновенно сориентировался, обхватил Кимку за талию и утащил за дверь. Я уткнулась лицом в подушку, краями ее заткнула уши. Но все равно еще какое-то время слышала обиженные восклицания подруги и низкий рокочущий голос Вила. По счастью, мне удалось уснуть снова, прежде чем я окончательно расклеилась.

Ближе к ночи стало ясно, что мой организм все же не переварил полеты над городом, падения на землю и прочие потрясения. Ужин Кимка принесла мне в комнату прямо в постель. Потом я снова заснула и проснулась уже утром с сильнейшей головной болью и наглухо заложенным носом. И это было не так уж плохо: не пришлось просить прощения у друзей за срыв, а можно было просто лежать и принимать от них вкусную еду, литры теплого чая и заботу. Целыми днями я валялась на кровати, укутавшись по горло и бездумно таращась на экран ноутбука, а сама без конца все думала о том, что же мне теперь делать.

Ясно пока лишь то, что нужно как можно скорее побывать в Блишеме. Увидеть Параклею и освободить ее от страшных уз. Лишь бы моя дочь не возненавидела меня за эти века неволи, но вряд ли я буду ей теперь хоть немного нужна. Она давно привыкла обходиться без меня, ей нужно наверстывать целую жизнь. А я… думаю, останусь все же в этом мире, как-нибудь окончу школу. Возможно, воспоминания о той, первой жизни, со временем отойдут на второй план и не будут жечь меня раскаленным железом. Я смогу быть Богданой… Смогу жить, даже если Орлик никогда больше не вернется. У меня все-таки останется Сашка.

С Дятловым я каждый день разговаривала по какому-то левому телефону, который передал ему в больницу Вилли. Я волновалась о нем, но совсем не хотела говорить о себе и, едва он сворачивал на эту тему, постыдно симулировала приступ кашля. И с каждым днем наши разговоры становились все короче, короче… Вот сегодня он и вовсе не позвонил. Конечно, он же всегда видел меня насквозь.

Я уже шла на поправку, но от слабости снова заснула сразу после ужина, а проснулась, когда дом уже погрузился в тишину и мрак за окнами сделался непроницаемым. Вдруг я ощутила, что мне не хватает воздуха и хочется как можно скорее открыть окно, чтобы вздохнуть полной грудью.

В первый миг от счастья оборвалось сердце – показалось, что желание это внушенное, и значит… Но нет, мне в самом деле было душно, «сомлела под одеялом», как сказала бы мама. Я осторожно сползла на слабые ноги, постояла,

держась за спинку кровати и постепенно обретая равновесие. Потом, как на лыжах, докатилась на мягких подошвах тапок до окна, толкнула створки, и они распахнулись легко и беззвучно, и не внутрь, как все окна, а наружу почему-то. Воздух, пахнущий еловой хвоей, окутал меня прохладой, очень мягкой для ноября. Я ладонями оперлась о подоконник, преступно высунулась из окна по пояс – я так пару раз делала в детстве, когда не хотела идти на выписку и в школу, один раз мама меня даже застукала…

– Ага, – негромко произнес голос из тьмы.

Если я не заорала на весь дом, то только потому, что спазм ужаса парализовал горло. Отскочила прочь, кинулась к двери и схватилась за ручку, готовая в любой момент вылететь прочь, позвать на помощь. А в окно уже заглядывал Сашка Дятлов.

– Данка, прости, я от неожиданности это брякнул, – заговорил он виновато. – Сильно испугалась?

– Видала кое-что и пострашнее, – мрачно заметила я, медленно ковыляя обратно к окну, ноги так и тряслись от пережитого стресса. – Ты как тут образовался вообще?

– От окна отойди, простудишься еще больше, – проявил заботу мой друг.

– А ты запрыгнешь?

– Рад бы, да не могу. – Он поднял повыше все еще перевязанную руку, куртка с левой стороны была просто накинута сверху на плечо.

– Ладно, тогда я возьму одеяло.

Я ухватила одной рукой край одеяла, другой – мешочное кресло, притащила все это к окну. Забралась в кресло с ногами и по горло укуталась, а Сашка с другой стороны встал на какой-то приступочек и облокотился на подоконник здоровой рукой. Лицо его оказалось на свету, и я сразу поняла, что вид у Сашки непривычно мрачный, улыбка на искусанных губах какая-то приклеенная, ненатуральная.

– Так ты хотел рассказать…

– Я помню, – хмыкнул он. – Не бойся, из больницы не сбежал, выписали меня. Сегодня в обед отправили на домашнее долечивание. Я не позвонил, потому что очень быстро все завертелось. Вечером отпросился у матери сюда с ночевкой, хотел сюрприз тебе сделать. Но ты дрыхла, так что мы с Вилом сидели допоздна, потом я уснуть не мог, вышел побродить по саду. И тут окно распахивается прямо перед моим носом…

– А не торчи под чужими окнами, – довольно вяло парировала я.

– Потянуло что-то, – бормотнул он и отвернулся.

Вот тут я реально заволновалась и настроилась на серьезный разговор, хотя больше всего мне хотелось отправиться обратно в постель: голова сильно кружилась даже в сидячем положении.

– Эй, Сань, ты чего? Рука болит? Дома плохо? Или что, из-за полиции?

– Все мимо, – хмыкнул он.

– Ну сам скажи!

– Да трудновато это как-то выразить, – после паузы изрек мой друг, непривычно растягивая слова. – Понимаешь, я привык держать в голове вероятный алгоритм своей жизни до самой старости. Считал, что только дураки плывут по течению, а просчитать вероятности можно всегда. А вот теперь я сбит с толку…

– Почему?

– Ну как сказать… видишь ли, ты всегда присутствовала в любых моих планах. Я понимал, что ты девушка непростая и полна сюрпризов, но также знал, что никогда тебя не упущу. Естественно, предполагалось, что такой расклад нужен тебе не меньше, чем мне. Потому что никто не сможет сделать для тебя большего, и все в этом духе…

– Так и есть, – пробормотала я, роняя голову. Мне почему-то стало отчаянно горько на душе.

– В том-то и дело, что теперь я не уверен. Я долго разговаривал с Вилли – и в больнице, и сегодня. Он не говорит об этом напрямую, но считает, что в Блишеме ты могла бы быть очень счастлива рядом с дочкой, под защитой этого вашего Властителя…

– Ну уж нет! – взорвалась я. – Не стану я больше жить в золотой клетке! Ты не особо слушай Вила – он-то там родился, для него наш мир чужой и опасный. А мне – в самый раз!

Сашка помолчал немного, потом спросил совсем уж чужим голосом:

– Хорошо, а что насчет Орлика?

При звуке этого имени привычно перехватило дыхание, я прижала кулаки к груди, чтобы выпустить лишний воздух. Щеки даже заболели от прилива крови.

– Сань, прости, я обманула тебя… не хотела говорить, тебе и так было плохо.

– Да уж, эта новость меня бы точно добила, – хохотнул Дятлов скептически.

– Он пропал, Орлик. Мы не знаем даже, жив ли он.

– Вилли уверен, что жив. Но я не об этом спросил. Ты очень любила его?

Врать я не стала, сказала как есть:

– Он был моим миром, моим воздухом, моим светом. В общем, всем.

– И для тебя все это словно вчера, верно? В смысле ничего не изменилось?

– Нет, не так, – запротестовала я. – После была еще одна жизнь, все мои почти восемнадцать лет, они не менее важны!

– Но ведь в этой жизни не было Орлика, ты просто не помнила его. Значит, у тебя не было возможности его разлюбить? Прости, Богдана, я стараюсь, но даже представить не могу, что сейчас происходит в твоей голове. Да и в сердце тоже.

Я решила, что лучше всего говорить правду, иначе запутаюсь и еще больше все испорчу.

– Да, не было, – сказала я. – Вместе с памятью вернулось все, что я испытывала к нему тогда, и это просто рвет мое сердце на лоскутки. Я никогда бы не поверила, что можно испытывать такие сильные чувства сразу к двоим…

– Вот даже как? – глянул на меня с мрачным интересом Дятлов.

– Конечно! Что я могу сейчас сказать? Но, наверно, долго так продолжаться не сможет. Тебя я знаю почти всю свою жизнь и всецело доверяю тебе. А вот Орлика, похоже, не знаю совсем. Он прожил много жизней без меня, и я понятия не имею, в кого он превратился, что стало с его душой. Я даже не знаю, для чего он искал меня, не для того ли, чтобы отомстить… еще раз.

– Так ты уверена, что он пытался убить тебя? – спросил Сашка.

– В смысле пытался? Он и убил!

– А ты… – Дятлов замешкался и вздохнул, словно был очень собой недоволен. – Не можешь ты ошибаться насчет этого?

Я медленно помотала головой:

– Нет, я хорошо помню нашу последнюю встречу. Орлик хотел, чтобы я немедленно бежала вместе с ним из дворца, утащил из моей комнаты аж на крышу дворца. Мне хотелось этого, уж поверь, но я не могла. Не могла оставить свою дочь, нарушить брачный обет.

В глазах Дятлова мелькнула привычная усмешка.

– «Но я другому отдана, и буду век ему верна», так?

– Ага. Я знала, что просто умру от стыда и раскаяния и любовь Орлика меня не спасет. И не хотела такой участи ни себе, ни ему. Когда он понял, что я не поддамся на уговоры, то дал мне какой-то плод, что-то вроде большой ягоды или маленького яблока, очень холодный, он так и обжег мне ладонь, даже кожа побелела. Орлик умолял съесть его немедленно. Мне было страшно и непонятно, но я конечно же полностью ему доверяла. Положила в рот, раскусила – даже не помню, какой он был на вкус, потому что я как будто вообще перестала чувствовать. Тело оцепенело, все вокруг стало вязким, замедленным. Потом дворцовые медики немного привели меня в чувство, но моих сил хватило, только чтобы проститься с ближними, с дочкой, с му… с Властителем.

Мы помолчали, потом Сашка сказал:

– Ну ты наверняка понимаешь, что вина Орлика тут недоказуема. У тебя могла быть аллергия, непереносимость, плод мог быть испорчен, Орлика могли обдурить, в конце концов!

– А ты что это его так защищаешь?! – запоздало изумилась я.

– Не, я просто стараюсь быть объективным. Ну и хочу понять, с чем мы имеем дело. Вила, например, больше всего тревожит то, что ты сказала насчет Смертной Тени. Может, ты уже теряла сознание и тебе почудилось?

Я пожала плечами. Было что-то странное в моем воспоминании о том моменте, поэтому лучше подождать, когда воспоминания утрясутся.

– Ладно, не буду тебя этим мучить, – спохватился друг. – Забирайся лучше в постель, а то в испарине вся и трясешься. Но, Дана, если можешь, то скажи: что я могу сделать, чтобы тебе было легче пережить этот период?

Ответ у меня уже был готов:

– Просто будь таким, каким я всегда тебя знала. И если это возможно, относись ко мне по-прежнему хоть какое-то время. Потому что я не могу уже выносить все эти перемены, мне нужно хоть за что-то держаться, понимаешь? Хотя, может, я прошу слишком многого…

Голос мой сорвался, я закрыла лицо руками. И услышала Сашкины слова:

– Нет, Дымка, ты просишь как раз то, что мне проще всего тебе дать. Хотя имей в виду, я ради тебя готов и на большее.

Глава четвертая

Новые страхи в новом доме

Я хмыкнула, отвела руки от лица, встретилась с Сашкиным взглядом. Поняла, чего он ждет, и поймала себя на том, что это как раз то, что мне сейчас нужно. Встала в кресле на коленях, тоже оперлась на подоконник, наши губы встретились… Впервые я, как пишут в романах, потеряла счет времени. И едва не вывалилась из окна, так сильно подалась вперед. Сашка одной здоровой рукой как-то сумел вернуть мне равновесие и впихнуть обратно в кресло. Заботливо запахнул разъехавшиеся отвороты халата у меня не груди, не преминув заметить:

– Ну почему мне всегда приходится поступать вопреки собственной природе?

– Потому что ты хороший и благородный, – хихикнула я, чуть отвела взгляд… и в этот миг мне показалось, что я увидела кого-то.

Темная фигура позади аккуратно подстриженных кустов, в густой тени дерева. Ощущение напряженного, прожигающего взгляда.

Я ахнула, и Дятлов немедленно обернулся туда, куда я смотрела, чуть сместился, заслоняя меня. Ну и обзора меня лишил, а когда я, встав коленом на подоконник, все же глянула на кусты, там уже точно никого не было. Исчезло это жуткое ощущение взгляда, о котором я прежде только в книжках читала.

– Что случилось?!

– Там кто-то стоял, – едва выговорила я заледеневшими губами. – Под круглым деревом за кустами. Наблюдал за нами.

– Это наверняка был один из сукров. Их теперь два, и они постоянно охраняют дом.

От его слов мне совсем не полегчало, наоборот.

– Нет, сукры сейчас в подлунном обличье, а это совершенно точно был человек.

– Но ведь мимо сукров никто не мог… – начал говорить Сашка, но потом запнулся и тяжело задышал.

Мы с ним оба знали, кто мог беспрепятственно пройти мимо самых страшных чудовищ в мире.

– Похоже, мне все же стоит забраться в твою комнату, – заявил Дятлов и начал примериваться к подоконнику. – Постеречь тебя на всякий случай.

– Не надо! – Я отчаянно замотала головой. – Ты же знаешь, это бессмысленно. Мы только…

– Что? – не дождавшись конца фразы, спросил Сашка. – Только разозлим его, что ли? Так он и так уже видел предостаточно.

– Саш, иди спать, – попросила я, совершенно опустошенная, потерявшаяся в своих желаниях и страхах. – Наверно, мне просто показалось. Да даже наверняка показалось. Орлик не стал бы прятаться в кустах, это не в его натуре. Сколько бы жизней он ни прожил.

Сашка открыл рот, собираясь поспорить. Но потом что-то такое прочитал в моем лице, потому что сказал коротко:

– Да, ты права, думаю. У тебя, наверно, температура поднялась, вот и мерещится всякое. Отправляйся в постель.

Он снова привлек меня к себе, поцеловал почему-то в макушку и тут же отпустил. Я честно сделала вид, что направляюсь к кровати, тащу за собой кресло. Дождалась, когда Сашка ушел, тут же вернулась к окну. Сердце то замирало, то норовило выскочить из груди. Боялась ли я в тот миг появления Орлика или хотела этого больше всего на свете? Не знаю…

Я осторожно высунулась по пояс из окна, чтобы осмотреть пространство. Увидела угол дома, с той стороны была входная дверь, над ней по ночам горел фонарь, и его свет достигал угла, стелился по траве. В этом теплом слабом свете был отчетливо виден нелепо вытянутый силуэт человека, возможно, сидящего на пороге.

Вначале я чуть снова не вскрикнула, но потом сообразила: конечно же это Сашка. Глупо было и подумать, что он оставит подходы к моей комнате без присмотра. Другое дело, что особого смысла в этом нет, но все же мне стало спокойнее. Да и сил не осталось на тревоги, все же болезнь здорово меня подкосила. Я оставила зажженной лампу и легла в постель с мыслью о том, что если вдруг проснусь и увижу Орлика с занесенным надо мной кинжалом, то буду умолять, чтобы дал время побывать в Навии, увидеть дочь. Хотя смешно, зачем ему кинжал? Мою жизнь он может прервать и на расстоянии, в любой момент, когда только ему этого захочется.

Несмотря на все эти жутковатые мысли, спала я хорошо и встала почти здоровой и куда более бодрой. Так что решила даже привести себя в порядок и выйти к людям раньше, чем мне подадут завтрак в постель. Я тщательно умылась, намочила и причесала волосы, сменила халат на футболку и джинсы, которые принесла мне Кимка. Вещи были новые, поскольку появляться ей в моем доме Вилли счел делом опасным и нерациональным.

Новый дом все еще оставался неизведанным для меня, я едва не заплутала в коридорах со множеством дверей и ответвлений и столовую нашла по запаху кофе и блинчиков. Народ уже собрался за большим овальным столом, но к еде еще не приступали. Здесь был Дятлов, совсем не сонный, хотя, я уверена, сторожил мое окно до самого рассвета. Интересно, рассказал ли он ребятам о том, что мне померещилось ночью (или не померещилось).

Рядом с ним за столом, чинно сложив на коленях руки, почему-то сидела Инга Конрад. А Вилли и Кимка дружно трудились у плиты: Вил держал поднос с тарелками, подруга накидывала на них что-то прямо с двух шкворчащих сковородок. Чуткая Кимка услышала мои шаги, обернулась, заулыбалась счастливо:

– О, Вил, отбой – она уже тут!

Это они, наверно, поднос для меня готовили. При виде подруги я сообразила, что проболела целую неделю и сегодня снова воскресенье, иначе она бы тут не прохлаждалась. Поздоровавшись со всеми, я обошла стол, с вороватой поспешностью чмокнула Сашку в затылок, а Ингу легонько тронула за плечо и сказала:

– Не ожидала тебя увидеть. Тебя Вилли привез?

– А я тут уже три дня, – ошарашила меня ответом Конрад.

– А, о-о-о! Понятно. То есть не совсем. Чего же ты ко мне ни разу не зашла?

Инга резко передернула плечами:

– Мне сказали, что ты не в настроении, на всех кидаешься, вот и решила не рисковать.

Я с нарочитым вздохом плюхнулась на стул между ней и Сашкой.

– Не все же время я кидалась, и не на всех. Могла бы и попробовать. А почему ты тут живешь, можно спросить? Я не против, не подумай, просто мне интересно.

У Инги запылали щеки и даже лоб над черной повязкой – я уж и отвыкла от этой ее манеры во всем видеть что-то для себя обидное. И ответила она с заметным вызовом:

– Так Игнаций решил. Для моей Светки тот день не прошел даром, совсем расклеилась. Мы решили, пусть она хотя бы месяц поживет у одних наших родственников в Крыму, отдохнет и подлечит нервишки. Но, конечно, она бы не

смогла уехать, если бы Игнаций не позвонил и не сказал, что здесь мне будет безопаснее.

Я, конечно, сразу уловила, каким особым, почти благоговейным тоном она всякий раз произносила настоящее имя Вилли. Словно подчеркивала, что они-то из одного мира и на одной волне. Я осторожно покосилась на Кимку и поймала ее смеющийся взгляд.

– Вообще-то это всем нам с тобой гораздо безопаснее, – сказал Вил, ничего особенного не заметив. Инга же моментально успокоилась и гордо выпрямилась на стуле. – Но давайте спокойно поедим, а потом, раз уж мы все в сборе, обсудим ситуацию.

Да, с этим не поспоришь: с Ингой я действительно чувствовала себя спокойней. Вдруг та безумная девица так и бродит поблизости.

На завтрак был омлет с помидорами и блинчики со сметаной и земляничным вареньем. И было безумно приятно сидеть среди самых близких мне людей и наслаждаться относительным покоем. Во всяком случае, я пыталась себя настроить на эту позитивную волну.

Но вот кофе был допит, тарелки опустели, и Вилли окинул нас вопросительным взглядом, словно хотел знать, готовы ли мы слушать его.

– Говори уж, а то меня скоро родители выдернут, семейные дела, – сказала Кимка.

У меня сердце запрыгало в груди, хотя особых новостей быть не могло – мне бы сразу сказали. Надеюсь. А Вилли произнес, обращаясь напрямую ко мне:

– Я думаю, Дана, тебе нужно как можно скорее побывать в Блишеме.

Я тяжело выдохнула.

– Сейчас у Саши рука почти в порядке, значит, через пару дней можно будет отправляться.

Дятлов при этих словах подмигнул мне и расправил плечи.

– Погоди, Вил, – встрепенулась я. – Я, конечно, ничего не возражаю против компании, но почему Саня? Ему уже и так досталось. Я и сама прекрасно могу добраться до дворца Властителя. Дашь мне сукра, и мы с ним через ближайший проход…

Как я и надеялась, Вилли принялся энергично возражать:

– Нет, исключено! Тот мир тоже изменился, пусть и не так глобально, как этот. И до дворца ты не доберешься, есть причина. Но сукр сам доставит к тебе Властителя, а тем временем Саша будет рядом с тобой, просто на всякий случай. Хотя до конца я еще не решил, возможно, отправлю с тобой двух сукров, тогда не обязательно…

– Я точно иду, – перебил его Дятлов.

– Ну, двух, а вы с кем останетесь? – спросила я. – Мало ли что. Сколько их сейчас у тебя?

– Двое, – ответил Вилли. Вид у него был не особо довольный, наверно, сам понимал, как уязвимы наши позиции.

– А еще нельзя вызвать из вашего Блишема? – спросила Кимка.

– Сожалею, но нет. Повезло, что удалось раздобыть еще одного теперь, когда мне нет хода в Блишем. Одалживал его одному искателю, вот и получил обратно должок.

– А откуда эти тва… существа вообще берутся? – спросил Сашка.

Вилли ответил очень обстоятельно:

– Первые сукры были созданы при помощи кентрона, волшебного посоха, они защитили моего отца и его жену во время бегства из этого мира. Когда сукр кусает кого-то, тело укушенного в течение долгого времени постепенно окукливается, становится похоже на яйцо, а перед рождением оболочка

лопается, глаза новорожденного открываются – и новый сукр должен в этот момент увидеть своего хозяина, того, кому он будет предан до своей смерти. Я имею в виду смерть насильственную, потому что по природе сукры бессмертны. Позднее хозяин может его подарить кому-то, но только один раз, иначе, как у вас тут говорят, у сукра может поехать крыша. Сами понимаете, что сукров мы специально не разводим, последние были получены в ходе войны с Ашером лет пятьсот назад. У меня их было трое, и все получены в подарок от отца. Осталось двое, и на прибавление рассчитывать не приходится. Правда, есть некоторые альтернативные варианты, но они сейчас, так сказать, проходят период испытаний…

– Нужно было использовать того ашерца, его все равно уже укусили, – резко, с досадой в голосе перебила его Инга. – Был бы у тебя по-настоящему твой сукр, это всегда надежнее, чем дареные.

Хорошо, честное слово, что Конрад в своей повязке не могла видеть взгляды, которыми наградил ее каждый из нас, даже Кимка, хотя она не была тогда у дома и не могла слышать тех жутких воплей немыслимой боли. Только Вил сосредоточенно смотрел на сцепленные в замок собственные пальцы, что-то напряженно обдумывая. Надеюсь, не свой упущенный шанс завести сукра. Потом снова заговорил:

– Хуже всего то, что ситуация никак не проясняется. Мы не знаем, какие планы у всадницы из той пары, если они были парой. Жива ли она еще, в смысле не расправился ли с ней Орлик. Работали они на мою бабушку и теперь потеряли интерес к Дане или же действовали по собственному плану, нам неизвестному. А главное, что случилось тогда в роще, была ли она там?

Вопрос повис в воздухе. По всему выходило, что если они схлестнулись там с Орликом, то вопрос в том, кто первый успел нанести удар. И этот удар уж точно стал смертельным. Но ведь больше тел не нашли…

– Ты рассматриваешь вероятность того, что они могут теперь действовать сообща, Орлик и та девица? – снова подала голос Инга, поворачиваясь всем телом на звук голоса Вила.

Изумленное молчание за столом.

– Что?! – рявкнула Конрад через мгновение. – Снова таращитесь на меня, как на злыдня какого-то? Я просто лучше всех вас знаю, что происходит в головах у всадников. Мы ненавидим, а потом узнаем в противнике кого-то, кто был нам бесконечно дорог в одной из прежних жизней. Иногда это все меняет, иногда – ничего! А если Орлик узнал в той девчонке свою сестру, или возлюбленную, или дочь? Вы же, наверно, не считаете, что все эти века он хранил стопроцентную верность Дее?!

На последней фразе она так резко отодвинула чашку, что белесые струйки кофе с молоком залили тосты. Инга этого, конечно, не увидела, а вот Кимка состроила брезгливую гримасу.

Я дернулась, когда прозвучало мое имя, в душе поднялось что-то темное, мерзкое, как гнилая болотная вода. Не знаю, по отношению к Инге или вообще. Я из последних сил сдерживалась, чтобы не заорать.

– Ну ладно, что толку гадать? – поспешно сказал Дятлов, бросив на меня тревожный взгляд. – Это уравнение со многими неизвестными. Просто нужно быть настороже каждое мгновение. Думаешь, нам с Данкой обязательно нужен сукр для нашего небольшого путешествия? Вдруг тут опаснее?

Вилли выразительно хмыкнул:

– Уж поверь, друг, лишним не будет, мало ли что. В Брите и Блишеме безопасно, но до них еще нужно добраться. Позднее я расскажу подробно, с какими проблемами вы можете встретиться на пути туда. Да даже в Блишеме – бабуля. Ну а сукр – универсальная защита от любых проблем. А мы пока продержимся и с одним. Лина в нужный момент уйдет на больничный, чтобы в гимназии зря не светиться… В общем, сегодня проводим репетицию, а затем…

– Стоп, какую еще репетицию? – встрепенулась я и машинально глянула на Кимку, это она у нас была связана с театром.

Подруга ободряюще мне улыбнулась.

– Сейчас расскажу, мы как раз это обсуждали перед твоим появлением, – кивнул мне Вилли. – В общем, мы хотим, чтобы сегодняшнюю ночь Саша провел на полянке, той самой, где место перехода. Нам важно понять, совершится переход

или нет, и тогда…

Наверно, вид у меня был такой ошарашенный, что Вил остановился на середине фразы, начал заново и медленно:

– Ну смотри, Дана, какой у нас расклад. Мы знаем только со слов Александра, что он никого не убивал, его родители вроде тоже. Но про его дедов и бабушек никому из нас ничего не известно… А зная историю вашей страны, предполагать можно что угодно.

Я перевела взгляд на Дятлова, тот состроил уморительную гримасу и развел руками.

– Если все в порядке, посреди ночи он окажется в Таргиде, или в Навии, как вы, всадники, называете третий круг. Сукр, который станет наблюдать за ним, откроет проход, отправится следом и вернет его назад. Тогда мы будем абсолютно уверены, что все пройдет как надо, подготовимся, и в нужный момент вы просто перейдете в тот мир безо всякой опаски, днем. Вы ведь в курсе, что произойдет, если через проход сунется тот, кто убивал, или у кого в роду были убийцы?

При этих словах Вилли глянул на Сашку, тот задумчиво кивнул. А, ну да, те парни на поляне.

– Я тоже пойду на эту пробу, – объявила я. – Мне так будет спокойнее.

– Не стоит, тебе нужно окончательно поправиться, окрепнуть, – запротестовал Вил. – Правда, в палатке будет тепло и уютно, об этом я позабочусь.

– Неглядки? – предположила я, вспомнив милых крохотных созданий вроде сказочных эльфов.

С ними так любила играть моя Параклея. В любом помещении они каким-то образом умели в считаные минуты создать температуру, комфортную для человека, а также раздобыть еду и питье вообще из ниоткуда.

– Ага, – расплылся в улыбке Вил. – Захватил с собой на всякий случай пару семейств.

– Ну о чем тогда беспокоиться? Я иду с Сашкой. Но спать, конечно, буду в отдельной палатке, – добавила я торопливо, вспомнив о побочных эффектах моей жизни в этом мире.

Вилли явно подыскивал контраргументы, но тут мне на подмогу неожиданно пришла Инга.

– А я тоже считаю, что Дее нужно пойти и принять участие в пробах, – проговорила она мрачно, как человек, привыкший к тому, что его все равно никто не слушает. – А то потом будет весело, если при переходе она рухнет замертво.

– Не понял? – встрепенулся Сашка.

– А вдруг она кого-то успела прикончить, пока была женой Властителя? Мало ли какие могли быть обстоятельства? Или прожила еще одну жизнь, успела повоевать, но пока этого не помнит. Потому что ей еще нет восемнадцати и воспоминания могли вернуться не в полном объеме.

– Убила кого-то во дворце? – даже не спросил, а задумчиво произнес Вил, и вид у него сделался ошарашенным.

Я перепугалась. Вдруг он что-то знает и сейчас сопоставляет данные? Вдруг выяснится, что и мне нельзя в Блишем?!

– В вашем дворце народу полно, исчезни кто, никто бы и не заметил, – хмыкнула Инга.

– А ты откуда знаешь, бывала в Блишеме? – впервые Кимка обратилась к Инге, и голос ее звучал напряженно и не слишком дружелюбно.

Мне показалось или Конрад в самом деле смутилась и даже порозовела? Или просто она давно не оказывалась в центре внимания?

– Нет, конечно… что мне там делать… всадникам туда путь закрыт, – отвечала отрывисто. – Просто знаю.

– Да, Инга права, это тоже нужно проверить, – подвел неожиданный итог Вилли. – Я совсем упустил из виду… Моя оплошность.

– Да ладно, ты же блишемец, не всадник, – ринулась защищать его Инга. – Не можешь всего знать про нашу природу.

– Должен знать. Нас, искателей, этому учили. Дана, твои воспоминания и в самом деле пока могут оставаться неполными и путаными, и нам нужно исключить все неожиданности. Пойдешь с Сашей.

Я расслабленно откинулась на стуле – моя взяла! Но долго расслабляться не пришлось.

– Слушай, Инга, а скажи мне, как эксперт по природе всадников, – встрял в разговор Сашка. Наверно, ему наскучило отмалчиваться. – Дана может приобрести те способности, которые проявляются у всадников? Ну, ты в курсе.

Я вздрогнула и села прямо: этого еще не хватало! Везде засада!

– Вполне, – тут же ответила Инга. – У тех, кто успел повоевать в других жизнях, они проявляются автоматически после восемнадцати, с возвращением памяти. Но в Навии могут и раньше, если всадника, даже ребенка, кто-то атакует. У первого поколения всадников они возникали после участия в бою. И у Деи могут проявиться, если она окажется в опасности, начнет защищаться.

– А если, предположим, возникнет какая-то заварушка, а она просто в сторонке постоит? – не унимался Дятлов.

– Если в сторонке, то, может, и обойдется, я тоже не все знаю, – пожала плечами Конрад.

– И в этом мире тоже? – быстро проговорил Вил.

– Игнаций, я правда не знаю! Возможно, почему нет?

Вилли глянул на меня очень выразительно:

– Слышала, Дана? Будь очень осторожна. В Нутряном мире таких ситуаций возникнуть в принципе не должно, да и сукр неотлучно будет с вами. Но это важно.

Еще бы не важно! У меня аж спина взмокла. Если такое случится, я не смогу вернуться в этот мир, разве что в черной повязке, как Инга. Ни к первому, ни ко второму я пока не готова. Ладно, лучше сменить тему.

– Вил, скажи, а ведь это тот самый проход, через который наш с Ингой народ тысячу лет назад попал в Навию? – спросила я, и сердце томительно заныло в груди. – А поляна за ним – Кукушкино Гнездо?

Вилли кивнул:

– Да. Конечно, поляна сейчас выглядит совсем иначе, в шатрах никто уже не обитает. Там теперь настоящий город, красивый и зеленый.

– И кто там живет? – спросила я, все больше волнуясь.

– В Кукушкином Гнезде сейчас проживают те всадники, которые лояльно относятся к Властителю и готовы служить ему в случае необходимости. Ну и те, кто попал туда через переход уже в последующие века, сукры на них не охотятся по договору с Властителем, они спокойно живут под защитой всадников.

– А способности у них проявлялись? – снова спросил Дятлов. Похоже, этот вопрос больше всего его волновал.

Вилли отрицательно покачал головой.

– И что же они там делают?

– Просто живут. Центр поляны огорожен, превращен в сквер, ночами там выставляют охрану, чтобы избежать всяких непредвиденных ситуаций в случае

появления новых людей. Хотя это сейчас очень редко случается, у поляны в вашем мире плохая репутация, сам знаешь.

– Ага. А подсуропили же мы всадничкам с теми головорезами, что туда попали, – хмыкнул Дятлов.

– Ну раз они сумели попасть в Таргид живыми, значит, не такие уж головорезы, – усмехнулся Вил в ответ. – Ничего, это им на пользу пойдет, еще и достойными людьми станут, пусть не в этом мире. А не захотят оставаться в Кукушкином Гнезде, отправятся искать свою судьбу в Ашер или еще куда-нибудь. Мест хватает.

Меня же совсем другое волновало.

– Я смогу встретить там знакомых? Например, среди тех, кто охраняет место перехода?

Вилли пожал плечами:

– Вероятность очень невысока. Скорее всего, вы их даже не увидите, пространство большое, обход они совершают пару раз за ночь. Но все бывает, конечно.

– И они смогут меня узнать? А как отреагируют, интересно?

– А вот это вообще почти нереально. Гипотетически ты можешь встретить того, с кем вы вместе когда-то вошли в Нутряной мир, и даже вспомнить его, ведь для тебя это случилось лишь пару десятков лет назад. Но этот человек, скорее всего, прожил много жизней, и, как бы хорошо он в свое время ни знал Дею, ее черты уже изгладились из его памяти, сменились далеким от истины образом. К тому же Дея, которую они знали, была на несколько лет моложе тебя и выглядела конечно же несколько иначе. – Вилли с потешной серьезностью поводил растопыренными пальцами вокруг собственной головы и тела, видимо, намекая на прическу и наряд. – В общем, если и встретишь кого-то на поляне, тебя, скорее всего, примут за искательницу со своим сукром.

– А вдруг нет?

– Что ты хочешь сказать?

– Ну а вдруг этот кто-то живет вторую жизнь, как и я, и для него все случившееся было только вчера?

Вилли глянул на меня как-то тревожно, и я сразу поняла, что и тут дело не совсем чисто. Так и оказалось.

– Дело в том, Дана, что это еще одна загадка: почему ты не возвращалась в мир живых так долго. У меня пока нет даже предположений. Очень мала вероятность, что ты так вот сразу наткнешься на еще одну аномалию.

– Спасибо, мне полегчало, – сдавленно хихикнула я. – А где живут всадники, которые не лояльны Блишему? Чем они занимаются?

Вилли не спешил с ответом, наверно, деликатно предоставляя возможность высказаться Инге, – все же это, так сказать, ее территория. А мог и не знать этого. Конрад встрепенулась и заговорила:

– Они живут в городе Сусе, на границе с Ашером…

– В смысле с Хаваимом? – поправила я.

– Точно, оговорилась. С Хаваимом. Раньше защищали от сукров те поселения, которые просили их помощи и покровительства. Но сейчас, как я слышала, охота на людей вне закона. Властитель вынужден был пойти на это из-за угрозы со стороны Ашера. Ведь ашерцы спят и видят, как бы им переманить всадников на свою сторону, создать армию и воевать до победного конца с Первопроклятым – так они Властителя называют.

Она замолчала, и по легкому дрожанию ее губ я догадалась, как сильно она скучает по тем местам, как хотела бы вернуться – в город Сус или на поляну Кукушкино Гнездо, неважно. Наверняка оба места для нее родные, учитывая особенности всадников.

После Ингиного пояснения над столом повисла тишина – все уже было съедено, а темы для разговоров, больше невеселых, еще остались. Вилли сказал:

– Ладно, вот какие у нас на ближайшее время задачи. Ты, Дана, до вечера должна окончательно выздороветь. Если услышу, что кашляешь, все отменю, честное слово. А провести репетицию лучше всего именно сегодня, пока дожди не зарядили и ночь относительно теплая. Я тоже буду с вами на поляне, просто на случай всяких неожиданностей… которых наверняка не будет, – добавил он, поймав мой напряженный взгляд. – Инга останется здесь под защитой второго сукра. Справишься одна?

– Разумеется, – сухо выговорила Инга.

Мне ее голос показался не очень уверенным, да и не мне одной.

– Если хочешь, можешь переночевать у меня, родители не будут против, – мужественно предложила Кимка. – А сукр у дома на страже побудет.

– Нет, спасибо! – отрезала Конрад, причем ее «спасибо» прозвучало хуже самого грубого посыла.

– Ну, как говорит мой папа, была бы честь предложена, – ледяным голосом произнесла Кимка, не оставшись в долгу.

Тут Вилли и Сашка одновременно уловили, что пора нас разводить в разные стороны, и повскакивали с мест. Дятлов повел Ингу в ее комнату, у Вила оказались какие-то нерешенные дела во дворе. В общем, скоро остались только мы с Кимкой мыть посуду. То есть мыла подруга, а я сидела рядом на высоком табурете – для поддержки и общения.

– Что собираешься симулировать, когда мы отправимся в Блишем? – поинтересовалась я.

Кимка с досады так махнула мокрой пятерней, что обрызгала меня с ног до головы.

– Ох, так надоело держать родителей в вечном напряжении, ты не представляешь! И пропускать занятия боязно, не за горами ведь уже этот ЕГЭ, чтоб ему провалиться! Но что поделаешь, Вилли с ума сходит из-за этой неизвестной всадницы. Хотя, может, она давно уже убралась из города, что ей

тут делать-то?!

– Но где же тогда Орлик?

Мне казалось, я это подумала, а на самом деле произнесла вслух. Кимка кинула на меня повлажневший от сочувствия взгляд:

– Вернется он, вот увидишь, все с ним в порядке. Может, он и сейчас где-то поблизости, проверяет со стороны, не вьется ли кто-нибудь вокруг дома. Но, честно сказать, Вил из-за него тоже психует: непонятно, что у парня на уме.

Мы помолчали немного, потом подруга произнесла как-то очень несмело и почти умоляюще, нетипично для нее:

– Слушай, Богданочка, я хотела тебя попросить… только это между нами, уговор?

– Конечно, как и всегда!

– Ну да. В общем, когда ты будешь в этом вашем Блишеме, может быть, поговоришь со своим бывшим насчет Вила? Ну, чтобы он смог вернуться домой. Если этому кренделю на своих детей наплевать, может, хоть тебя он послушает, даром столько веков разыскивал!

У меня кровь прилила к щекам и ко лбу, так тяжело и неудобно было говорить об этом с Кимкой. Но отвечать пришлось, а то она уже начала обстреливать меня недоуменными взглядами.

– Ким, да я бы с радостью, я сама этого до смерти хочу и тоже вначале собиралась просить! Но на самом деле нельзя это делать. Если хоть рот открою, последствия могут быть ужасными.

– И это почему же?

– Потому что по законам того мира, каждый, кто совершает убийство, подлежит смерти, и не только он, но и весь его род. И неважно, какое положение занимают люди этого рода, – приговор неотвратим. А смерть страшная – Смертная Тень,

полное уничтожение. Вил тут в безопасности, но в Блишеме у него мать и еще, может быть, сотни родственников. Да он сам перед нашим отбытием строжайше запретит мне даже пискнуть об этом, вот увидишь!

– Но это же несправедливо! – взвыла Кимка и уронила нож на изящное фарфоровое блюдце, которое раскололось с жалобным треньканьем. – Он же нас всех защищал от смерти. Разве это не считается?!

– Ага, а организовала тех, кто на нас напал, его же бабушка! Только она никого не убила, так что это не в счет. Но, Кимка, ты пойми: здесь справедливость ни при чем. Справедливость – продукт человеческого разумения, но не на этом основан Нутряной мир. Когда Властитель совершил первое в человеческой истории убийство, мир изменился, и сам убийца бежал в ужасе. Он знал, что должен погибнуть, и ждал этого. Но Некто сжалился над ним и дал ему кентрон – это такой полный магии посох, который мог помочь ему, а мог и не помочь…

– Некто – это вообще кто? – уставилась на меня огромными от любопытства глазами подруга.

– Угадай с трех раз, – хмыкнула я. – В общем, Гамелех смог бы воспользоваться кентроном только в том случае, если бы, так сказать, заложил в него правильную программу, а иначе посох остался бы обыкновенным посохом. И Властитель поклялся, что в его мире никто никого не станет убивать, а если убьет, то будет исторгнут из мира и он, и весь его род, – неважно, по какой причине он это сделал.

– Но все равно же несправедливо, – уже не так горячо произнесла Кимка.

– Возможно. Но это работает: в Блишеме и Брите нет убийств. Вообще. Правда, те, кто попадает туда из нашего мира, в счет не идут, их преспокойно скармливают Смертным Теням.

Мы немного помолчали. Кимка с крайне озадаченным видом быстро и ловко протирала столы.

– Тот, кто дал Гамелеху кентрон, сказал ему еще кое-что, – добавила я. – Он дал ему шанс вернуться в этот мир… однажды. Если он скажет некие слова.

– Какие слова? – превратившись от любопытства в соляной столб, воззрилась на меня подруга.

– Не знаю. Он все мне рассказывал, но тех слов никогда не произносил. Наверно, это что-то вроде покаяния. Но Властитель едва ли скажет их когда-нибудь, потому что тогда Нутряной мир прекратит свое существование. А куда деваться тем, кто его населяет? Гамелех ведь отвечает за них всех, даже за тех, кто основался в Ашере и часто мутит воду против Блишема.

– Сложно-то как, – вздохнула Кимка, останавливаясь напротив меня. Она уже покончила с делами и теперь натирала кремом крепкие смуглые руки. – Как бы я хотела повидать тот мир хоть одним глазком!

– Может, повидаешь еще как-нибудь.

Но она резко мотнула головой:

– Нет, если Вилу туда хода нет, то и мне нечего соваться. Богдашечка, если бы ты знала, как я боюсь…

– Чего? – вздрогнула я.

– Не чего, а за наши с ним отношения. Если он всегда будет грустить по своей потерянной родине, что я смогу поделать, как отвлечь, что дать взамен? Тоска может вытеснить его любовь ко мне, пусть не сразу, но через несколько лет…

– Ну перестань, что ты! – Я протянула руки, Кимка шагнула вперед, и мы крепко обнялись. – Напротив, ты заменишь ему целый мир, и с каждым годом ваша связь будет все крепче!

– Ага, прожить бы еще эти несколько лет, – отступая, шмыгнула носом Кимка.

– Все обойдется, вот увидишь. Я уверена, что та всадница тут уже не объявится… если вообще Орлик с ней еще не разобрался.

– Ага, она-то, может, и нет, а что насчет этой Конрад? Она же по уши втюрилась в Вилли, ты заметила?

Я пожала плечами:

– Это, конечно, бросается в глаза. Но и можно понять: они ведь из одного мира, для Инги он олицетворяет какие-то добрые воспоминания… которые, надеюсь, у нее все же имеются.

Подруга скептически склонила голову набок, прищурила глаза:

– А ты изменилась, Данка. Ищешь ей оправдания, анализи-ируешь! Раньше бы просто чихвостила вместе со мной нахалку, которая лезет по-наглому в чужие отношения.

Я невесело хмыкнула. Конечно, изменилась, стала старше на целую жизнь, пусть и короткую, на целое материнство. На боль потерь и на тот неизбывный страх, который навсегда поселился в моем сердце после страшной гибели почти всех жителей Кречета, родителей и брата.

Глава пятая

Проклятие или благословение?

Мои размышления прервало появление на кухне Вилли. – Дана, тебе надо отдохнуть и еще подлечиться до вечера, – напомнил он.

– Ага. – Я вяло стекла с табурета. Наверняка этим двоим не терпелось остаться без лишних глаз. – Только если я высплюсь днем, то как усну ночью?

– Об этом можешь не волноваться, – улыбнулся парень.

Ну понятно, захватил аптечку из Блишема.

– А палатка отдельная у меня будет? – напомнила я капризным голосом.

– Конечно, две поставим. Я буду с Сашей.

– Ну ладно тогда. Все, иду к себе морально готовиться.

Меня, само собой, останавливать не стали, так что я вернулась в свою комнату, к которой уже успела привыкнуть, и забралась с головой под одеяло. Там в темноте некоторое время проглядывала в телефоне новости соцсетей, но ничего интересного не обнаружила, да и что мне теперь все эти новости! Чем ближе вечер, тем сильнее потряхивало от волнения, пересыхало во рту. Сегодня я буду в Навии! Пусть совсем ненадолго, но окажусь так близко к дочери. Буду на поляне, где когда-то переломилась моя судьба. От одних мыслей об этом голова шла кругом.

Я думала о Параклее, вспоминала самые важные и волнующие моменты нашей с ней недолгой совместной жизни. Как страшно было, когда после появления на свет малышка долго не подавала голос, и мне, только вынырнувшей из вязкого небытия, хотелось умереть прежде, чем кто-то решится произнести ужасные слова. А потом вдруг она завопила так громко, мощно, торжествующе. Но даже после этого мои испытания не кончились, потому что новорожденную взяла в руки водная варгана, которая прежде колдовала надо мной, своими текучими прикосновениями оживляя и освежая мое измученное тело. Теперь же ей предстояло оглядеть девочку и вынести приговор: не вселилась ли в малышку старая, уже жившая прежде душа. Таких детей сразу отправляют в Таргид, для мирного Блишема подобные симбиозы – опасность. Родители при желании могут последовать за своим ребенком, но я никогда не слышала про такие случаи, этих детей спешат вычеркнуть из памяти. Но я знала, что никогда не смогу этого сделать. А варгана все глядела и глядела в личико ребенка, и моя кровь постепенно превращалась в лед. Наконец она положила младенца мне на грудь – это значило, что все в порядке…

Тихий стук в дверь заставил меня подскочить – я едва не свалилась с кровати.

– Кто там?!

В дверь бочком протиснулся Дятлов, поинтересовался:

– Ты чего так кричишь, Богданка?

– Нервы, – пояснила я коротко. – Не обращай внимания. Когда там Вил будет давать нам инструкции?

– Наверно, уже после моего возвращения.

– А куда ты собрался? – Только тут я заметила, что Сашка уже и куртку натянул. – Я думала, ты со мной побудешь до вечера.

Как-то все же обидно стало: я с ума схожу от волнения, а никому и дела нет, все занимаются своими делами. Наверно, Сашка мой посыл уловил, сделал еще пару шагов вперед. Присел на край кровати и взял мои руки в свои ладони, твердые и прохладные.

– Представь, я бы сам хотел именно того же. Но мне нужно проведать маму, что-то мне не понравился ее голос по телефону.

Я мигом устыдилась своих эгоистичных обид и спросила:

– Твой отец… он никак не угомонится, да? Обижает ее?

Дятлов с самым мрачным видом тяжело повел плечами:

– Бесится от безделья, ну и матери достается, да. Я же сейчас не могу участвовать в этих его квестах.

– А он не понимает, что ты не в состоянии бегать с перевязанной рукой?!

– Да понимает, конечно. Просто он болен, Данка, и ничего с этим не поделаешь. Не владеет собой. Может, и пытается, а потом срывается все равно.

– Ладно. – У меня имелось свое мнение о таких вот болезнях, но я не собиралась им делиться. – Напоминаю еще раз, что моя квартира сейчас пустует. Почему бы

твоей матери там не пожить?

Сашка мигом заледенел лицом, и я пожалела, что не перевела разговор на что-нибудь другое. Но ответил он нормальным голосом:

– Ага, только там полиция постоянно шныряет, тебя стережет.

– Меня, а не ее. Не в этом же дело, верно?

Тут уж Дятлов отпираться не стал:

– Не в этом. Думаешь, мне Вилли не предлагал вариантов, вплоть до покупки дома в любой стране мира? Для него это вообще семечки. Но я как-то сам привык справляться. Вот побываю в этом вашем мире, подниму на дороге пару камешков – и проблема решена, верно? – добавил он своим обычным насмешливым тоном.

– Ага. Я тебе про эти камешки обязательно напомню. Надеюсь, хоть это мне позволено сделать?

– Это можно, если вдруг забуду. Ладно, Данк, побежал я. За пару часов управлюсь, а там уж начнем готовиться к вечернему мероприятию.

Поцеловал меня в краешек рта и был таков. Я разочарованно вздохнула, снова натянула одеяло по самую макушку и уснула незаметно для себя самой. Разбудили меня жара и духота. Я поскорее ногами отпихнула подальше от себя легкое, но очень теплое пуховое одеяло, скатилась с кровати и подбежала босиком к окну. Распахнув створки настежь, жадно втянула носом и ртом влажный аромат нагретой земли, уже засыпающих, но вдруг разбуженных веток, тающего снега. Обманчивое ощущение жары мигом исчезло, так что я снова приволокла к окну кресло-мешок, прихватила одеяло и устроилась с видом на закат. Прикрыла глаза, но веки все равно заливал багрянец.

Что-то стремительно пронеслось за окном, еще и еще раз. Я открыла глаза и недоуменно захлопала ресницами: на подоконнике, тесня друг дружку, рассаживались рядками совсем маленькие птички с бело-синими головками и желтыми грудками, заполошно крутились на месте, чирикали и поклевывали

друг дружку, отвоевывая пространство. Они в спешке заполняли подоконник и карниз, как студенты аудиторию, словно не замечая, что я тут сижу на расстоянии вытянутой руки от них. Вроде и были встревожены, но старались не показывать этого… Ну, или мне так показалось.

– Эй, вы чего это? – спросила я негромко, чтобы не пугать птичек еще больше. – С курса сбились? Но вы же вроде не перелетные…

«Лазоревки, – пробудилось в моей памяти название. – У меня жила пара таких птичек, когда я была Деей. Их Орлик для меня поймал».

Стоило мне мысленно произнести это имя, как снова бросило в жар. Я уже понимала – что-то назревает, что-то непременно случится прямо сейчас. Скинула с себя одеяло, и птички восприняли это как давно ожидаемый сигнал, потому что дружно устремились ко мне, облепили плечи, кто-то самый нахальный пристроился даже у меня на макушке. Теперь они разом успокоились, знай себе распевали и наводили марафет с таким невозмутимым видом, словно я была их любимым деревом, защитой и гнездом одновременно.

– Орлик, – прошептала я, дыша глубоко и медленно, – где же ты?

А потом уселась боком на подоконник и перекинула ноги наружу. Птички сидели как приклеенные, пока я неловко, на животе, сползала вниз, на ощупь искала выступ под окном, на котором стоял прошлой ночью Сашка. Но, едва я оказалась на земле, лазоревки брызнули в разные стороны с облегченным писком, рассеялись среди деревьев.

Солнце слепило, пришлось отойти за ближайший ствол. Я лихорадочно снова и снова оглядывала просторный сад и наконец увидела: за полянкой с причудливым прудиком, прижавшись спиной к железной ограде, стоял человек. Лица против света я разглядеть не могла, но разве не узнала бы его в любой толпе? Кажется, я закричала, всплеснула руками и бросилась к нему.

Когда между нами осталось шагов десять, я вдруг застыла, прижала руки ко рту. Орлик, сложив руки на груди, опирался о забор спиной и одной ступней. Смотрел на меня в упор, внимательно, без улыбки. Я попыталась сделать еще шаг и вдруг ощутила такой болезненный удар прямо в сердце, что дыхание прервалось и я села на жухлую траву, закрыла голову руками.

Когда Орлик подбежал, я просто захлебывалась слезами. Вся горечь несбывшегося, все поруганные мечты, моя жизнь, мое прошлое, моя любовь – разом накатили и захлестнули. Орлик подхватил меня на руки, спросил испуганно:

– Дана, что произошло? Я тебя испугал? Тебе плохо?

– Я Дея, Дея, – только и смогла выговорить я.

И увидела, как щеки и лоб его заливает смертельная бледность, в глазах рождается смятение. А в следующий миг он прижал меня так крепко, что я ничего уже видеть не могла, только жадно вдыхала родной запах, поражаясь тому, как хорошо помню его. Разве не так пахла кожа моего любимого в тот день, когда я украсила его волосы цветами под жарким солнцем, на поляне в Навии?

– Так ты вспомнила, – выдавил он, едва справляясь с голосом. – До своего совершеннолетия. Да, я слышал, такое бывает. Но не ожидал…

– Я вспомнила, – шепотом подтвердила я.

Орлик завертел головой, прикидывая, куда меня посадить, не нашел, поэтому просто поставил ногу на плетенный из веток бортик пруда, а на нее усадил меня, лицом к себе. Стянул куртку и бережно накинул мне на плечи. Кажется, мне еще никогда не приходилось видеть его таким растерянным. Блуждая взглядом по моему лицу и волосам, он хрипло спросил:

– И что же теперь, Дея?

– Я не знаю, – забормотала я. – Я ничего пока не знаю.

– Черт, я миллионы раз представлял, как это будет, когда ты все вспомнишь, а вот сейчас не соображаю, что делать и что говорить.

– Я с ума сходила, думала, что ты умер, – укорила я его, понемногу приходя в себя. – Почему ты так долго не давал о себе знать?

– Дея, если бы я знал, что ты вспомнила! Но я не знал. Собирался появиться, когда разберусь с кое-какими проблемами, но особо не спешил, потому что думал, что буду таким же опасным чужаком для тебя, как прежде, да и другим не особо в радость.

– Но ты ведь приходил, разве нет? Ты бывал у дома?

Орлик не стал отпираться:

– Бывал. Приходил посмотреть на тебя, пока ты болела. Ну и проверить, все ли в порядке.

– Ага, подглядывал, а трудно было хоть раз стукнуть в окошко?! Записочку оставить? – В негодовании я ткнула Орлика кулаком куда-то в плечо, но тут же похолодела от ужаса, потому что он дернулся и глухо застонал. – Ой, прости, прости меня! Я совсем забыла про рану! Как она, кстати?

– Заживает, – все еще сдавленным голосом ответил он. – Да неважно, не думай об этом. Извини, что не стукнул в окошко, ты была такая слабая, все время спала.

– Но ты и вчера приходил, – пробормотала я и ощутила, как жаркой волной заливает лицо.

– Приходил, – без всякого выражения в голосе подтвердил Орлик.

Значит, знает, что я целовалась с Сашкой уже после того, как вспомнила его. И что теперь говорить, как объясняться? От растерянности я снова тихонько заплакала, а Орлик погладил меня по лицу, отирая слезы, приглаживая растрепавшиеся волосы.

– Не надо, Дея. Не плачь, родная моя. Я поклялся себе, что ничего не разрушу в твоей новой жизни, ничем ее не усложню. Я искал тебя столько жизней и привык надеяться даже на малое, на то, что мы пересечемся однажды на дни или на часы. Но у меня хватит времени на то, чтобы попросить у тебя прощения.

Меня моментально прошиб холодок, от напряжения во всем теле заныли мышцы.

– За что?

– За то, что тогда уехал и оставил тебя на поляне. Влез в авантюру и уже не смог вернуться… А тебе пришлось принимать такие непростые решения.

Я удивилась немного – думала, речь пойдет совсем о другом, о том, что случилось тогда во дворце. Пожала плечами:

– Наоборот, ты всех нас спас. Ведь они все равно пришли бы однажды, сукры-охотники, налетели бы на ничего не подозревающих людей.

– Но я был бы рядом и постарался защитить тебя! Ты не осталась бы одна!

– Ах, Орлик, ты прекрасно знаешь, что ничего бы не вышло, – чуточку снисходительно вздохнула я. – Ты бы погиб, спасая меня, я досталась бы на обед Смертной Тени, но прежде увидела бы гибель моих друзей, моего народа. А благодаря тебе мы получили шанс не умереть в неведении, не сознавая, что происходит. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– А я часто размышлял о наших с тобой шансах, – жадно вглядываясь в мое лицо, произнес Орлик. – Но пришел лишь к одному выводу: самым счастливым исходом для нас было бы превратиться в лед тогда на поляне, во сне, крепко обнявшись. Мы сохранили бы наши бессмертные души, я не стал бы убийцей, мы бы вместе ушли в тот мир, где любовь – высшее благо и где ничто не разлучает влюбленных.

– Знаешь, в текущий век мало кто верит в такой исход, – шепнула я.

– А мы с тобой точно знаем, что он существует, но нам туда дороги нет, – мрачно усмехнулся Орлик, лицо его словно застыло.

Я отчаянно соображала, как отвлечь его от тяжких мыслей.

– Я так хорошо помню то утро, когда мы попрощались с тобой. Солнце пляшет в небесах, словно еще не решило, лезть на небо или снова завалиться спать за горизонт. Ребята смеются, распеваются, машут нам руками. И ты на своем Балабане впереди всех, даже не посмотришь на меня, гадкий!

Орлик шумно вздохнул и улыбнулся:

– Я просто скосил глаза с такой силой, что потом едва вернул их в нормальное положение. Прекрасно видел, как ты прыгала босая на каком-то холмике. Совсем такая же, как сейчас, только с косой. – Он протянул руку и осторожно провел рукой по моим волосам. – И этой прядки тогда не было. Это ведь натуральный цвет?

Я кивнула.

– Странно, обычно мы почти не меняемся. Слушай, я ведь даже не спросил тебя: сколько раз ты жила?

– Только второй сейчас. Я была только Деей. Поэтому для меня все было будто вчера. Странно, что ты все так хорошо помнишь – у тебя ведь было столько жизней.

Снова эта кривая ухмылка.

– Ты уверена, что они были? Все они – лишь попытка вернуться в прошлое, отыскать тебя.

– Но до восемнадцати ты меня не помнил. Влюблялся, наверно?

– Нет! – резковато произнес Орлик, явно не желая развивать тему. – Ты плохо себе представляешь жизнь всадников, Дея. Нам как-то не до любви. Тем более до восемнадцати, пока не знаешь, что именно ты вспомнишь о себе, когда придет день.

Я смутилась – прежде Орлик никогда так не обрезал меня – и поспешила сменить тему:

– Ладно, а почему птички? И почему именно сегодня ты решил объявиться?

Он сразу вроде как оттаял, заулыбался широко, знакомо, перестал сводить в одну линию длинные брови:

– Решил наконец выполнить данное тебе слово: никакого гипноза. А в окно сразу лезть не хотел, чтобы не напугать. Вот и придумал, как дать понять, что я рядом, но тебе решать, хочешь ли пообщаться.

– Ладно, а остальные? Спят глубоким сном на том месте, где их застало твое внушение?

– А вот и нет, просто дождался, когда все разойдутся. Инга в своей комнате, одна она выходить не станет. Вот сукры спят, да. Ничего, им точно отдых не повредит. А объявиться решил, потому что заметил оживление в доме, надо же было узнать, что происходит.

Хотя Орлик выговорил эти фразы легко, непринужденно, в глазах его я явственно видела тревогу и настороженность.

– Я хочу побывать в Навии, – твердо выговорила я. – То есть не так: я должна побывать в Навии. Вот к этому путешествию мы и готовимся.

Орлик дернулся, отшатнулся, нога соскочила с упора – я, само собой, полетела вниз, но у самой земли была поймана крепкими руками. В следующий миг я уже стояла на земле почти вплотную к Орлику, его пальцы так впились в мои плечи, что я поморщилась от боли.

– Что значит – готовитесь?

Он выглядел таким ошарашенным, даже испуганным, что я сразу рассказала ему о планирующейся «репетиции» для Сашки, в которой тоже хочу поучаствовать. Едва дослушав меня, Орлик отрезал:

– Тебе ни к чему соваться в Нутряной мир! О чем вообще думает этот блишемец?

– А ты о чем думаешь?! Я должна повидать свою дочь! Не знаю, в курсе ли ты, какую клятву она принесла на кентроне и чем это для нее обернулось.

Я затрепыхалась, – не так уж удобно было стоять, почти упираясь носом в плечо Орлика, – он чуточку ослабил захват, но совсем не отпустил.

– Я знаю про Параклею. Но, Дея, тебе совсем необязательно самой идти в Блишем. Проходы между мирами проницаемы для знающих людей, твоя дочь может прийти сюда в моем сопровождении, чтобы повидаться с тобой. Ей такая прогулка только на пользу: если погостит у тебя подольше, вернется назад хоть на год старше. Я уверен, ей до чертиков надоело быть малышкой.

– Но Параклея не пойдет, она дала обет, поклялась на кентроне…

– Но ты УЖЕ вернулась в мир живых, – перебил меня Орлик. – И если твоя дочь получит стопудовое доказательство, что это так, она с радостью покинет дворец и поспешит повидаться с тобой. Все просто.

Не знаю, родительская паранойя меня накрыла, что ли, но мне не понравилась мысль, что именно Орлик отправится за моей дочерью. При его-то умении влипать в неприятности, вернее, создавать их вокруг своей персоны.

– Ладно, но почему я сама не могу отправиться к ней, объясни! Это из-за Властителя? Ты думаешь, он до сих пор?.

– Нет. Ну может, отчасти из-за него тоже: неизвестно ведь, какая идея может затесаться в его древнюю, но все такую же пустоватую голову. Дело в другом, Дея. Тебе опасно возвращаться в Навию, тебя там могут узнать.

– И что с того? Я вообще могла вырасти в Навии, если бы не моя приемная мама.

Почти минуту он молчал, вглядываясь в мои глаза и словно забыв обо всем прочем, потом проговорил медленно, взвешивая каждое слово:

– Но ты выросла в этом мире и едва ли слышала о «Проклятии Деи». Разве что блишемец тебя просветил.

– Нет, Вилли ничего не говорил. А это что еще такое?!

– Ты совсем замерзла, вся дрожишь, – перескочил на другое Орлик. – Пойдем-ка.

Обнимая за плечи, он отвел меня к окну, ловко подсадил на подоконник. Перевесившись через него, сумел ухватить упавшее на пол одеяло, укутал меня

поверх своей куртки. Но меня-то трясло от волнения, так что зря старался. Если я до сих пор криком не потребовала немедленного продолжения рассказа, то лишь потому, что зуб на зуб не попадал.

– В общем, это вроде пророчества. Никто точно не знает, кому оно принадлежит, кажется, кому-то из Ашера. Но слова пророчества и его толкование почти моментально облетели Нутряной мир. В нем сказано следующее: если Дея вернется в мир живых и трижды встретится с всадником, который спас ей жизнь, – все изменится для народа всадников. Мы покинем земные миры, перенесемся в небесный Кречет, где встретим тех, кого потеряли в захваченном городе, и снова обретем свои бессмертные души. А после проследуем тем же путем, который совершает однажды каждый человек.

Он смолк. Я лихорадочно моргала, пытаясь переварить сказанное.

– Не могу понять, это хорошо или плохо? – спросила наконец. – И почему «проклятие»? Разве всадники не мечтают вернуть свои души, встретить тех, с кем нас однажды так стремительно и страшно разлучили? Я бы очень этого хотела.

Орлик неопределенно пожал плечами:

– Да, ты права, Дея, кому-то пророчество подарило радость и надежду. Но не всем. Не всех радует мысль о таком стремительном исходе. Многим вполне по душе их жизни, наше чудовищное бессмертие. За минувшие века к всадникам примкнуло множество людей, которым будет не все равно, если вдруг их защитники сгинут. На всадников привыкли полагаться и в Блишеме, и в круге Ашер. А это значит, что большинству совсем не нужно, чтобы ты вернулась. И они готовы на все, чтобы не допустить твою встречу с этим неизвестным всадником. Выводы делай сама.

– Они что, попытаются меня убить? – ужаснулась я. – Люди, которых я знала, мой народ?

– Это давно уже совсем другие люди, моя Дея. А если не всадники, то на тебя могут открыть охоту существа из Ашера и много кто еще. Конечно, ты не беззащитна, при нападении у тебя откроются способности всадницы, но тогда ты не сможешь вернуться в этот мир, – зрячей, по крайней мере. Тебя это

устраивает?

Меня это НЕ устраивало. Сердце предательски затрепыхалось где-то в горле, похолодела спина.

– Но почему я ничего не знаю об этом пророчестве или проклятии? Почему молчат Инга и Вилли?!

Орлик развел руками:

– Ну, про пророчество заговорили не так уж давно, а Инга последнюю жизнь прожила в этом мире. Блишемец точно знает, но может не придавать этому большого значения. Он – искатель, ему важно вручить тебя папаше, снискать славу и почет.

Я заерзала на подоконнике – мне не понравились намеки насчет Вила.

– Ты тоже не все знаешь. Вилли защищал меня, нас всех. И в той битве он убивал, ему теперь закрыта дорога в Блишем. Мне он помогает ради Параклеи и об опасности уж точно предупредил бы.

Орлик промолчал, похоже, судьба Вила его совсем не тронула. Почему-то сейчас он пугал меня, как будто рядом снова был Артур Кныш, опасный, непредсказуемый. Мне хотелось спросить его про ту ночь во дворце, и было страшно касаться этой темы.

– Послушай, насчет всадника, который спас меня, – перевела я разговор на другое. – Ведь это же ты. Ты спас меня в Кречете, отбил у того гада. Я не припомню, чтобы кто-то еще спасал мою жизнь.

– Однако мы с тобой встречались после этого десятки раз, а всадники все на прежних местах, – пробормотал Орлик, что-то ему было совсем не по себе. – По счастливой случайности я сам про пророчество узнал буквально на днях, не пришлось мучиться сомнениями, подходить ли к тебе.

Я невольно поежилась. Будь этим всадником Орлик, все бы уже закончилось. Небесный Кречет, мои родители и брат – да, я хотела этого. Но ведь это…

смерть, как ни назови. И я не уверена, что готова к ней.

За забором прошумела по гальке машина, завернула за дом, где был въезд в гараж. Значит, вернулся Вилли, может, и Сашка с ним.

– Слушай, сейчас нет времени все это обсуждать, – быстро заговорила я, опасаясь, что Орлик немедленно ринется выяснять с Вилом отношения. – Скажи лучше другое: почему ты не с нами? Почему прячешься, не общаешься с Вилли, с Ингой? Чем ты вообще сейчас занят? Мы знаем, что ты справился с тем всадником из пары, не пустил его к дому и всех нас этим спас. А что с девушкой, куда она подевалась?

– Вот ею я как раз и занят, – преспокойно заявил Орлик. – Я ее обезвредил, но убивать не стал, не было необходимости. Сейчас присматриваю за ней.

– Почему? – выдавила я, терзаясь неким чувством, подозрительно смахивающим на ревность. – Ты хорошо ее знаешь? Вас что-то связывало в прошлых жизнях?

Орлик невесело хмыкнул:

– Да уж не без того. Нас почти всех что-то связывает, не забывай. Ты ее тоже хорошо знаешь… Когда-то вы были хорошими подругами.

– Кто это?! – заволновалась я, в спешке листая имена и лица.

Не так уж много их осталось, моих подруг, которым удалось уцелеть в городе, пройти сквозь снежную пустыню и попасть в Навию.

– Оляна.

– Что? – ахнула я. – Жена Ждана? Ой, и мать Инги! С ума сойти! И как у нее тут сложилось?

Выражение лица Орлика сделалось и вовсе кислым.

– Там… долгая история, ни к чему сейчас обсуждать. Я надеюсь, у нас будет еще время для разговоров, моя Дея.

– Конечно, – подтвердила я боязливо. Мне было страшно расстаться с ним. И было страшно, что он начнет задавать вопросы, потребует определиться немедленно. – А где Оляна сейчас?

Неопределенное движение рукой куда-то за спину.

– По другую сторону города, тоже в деревне. Пришлось снять дом, чтобы присматривать за ней.

– Инге можно об этом рассказать?

Резкий мах головы, густые каштановые волосы Орлика упали ему на лицо.

– Пока нет. От Инги сейчас будет мало проку. А блишемцу знать тем более не стоит, еще решит, что она опасна, натравит сукра.

Я хотела возмутиться, но тут в глубине дома, совсем близко хлопнула дверь, послышались голоса. В мою комнату в любой момент мог кто-то зайти. Орлик протянул ко мне руки, на пару мгновений снова крепко прижал к себе, так, что у меня голова пошла кругом.

– Я ухожу, Дея. Пусть пока все сказанное останется между нами. И я могу рассчитывать, что ты сейчас не станешь соваться в Нутряной мир? А твой друг пусть попробует, это может пригодиться.

Я просто дара речи лишилась. Напомните мне, когда я дала обещание не приближаться к месту перехода? Да, насчет проклятия имени себя я услышала, приму во внимание, но…

– Нет, не можешь рассчитывать, – постаралась ответить спокойно и достойно. – Я пойду с ребятами, план не меняется.

– Но, Дея…

– И ничего страшного! Мы просто переместимся туда, а сукр сразу вернет нас назад. Каковы, по-твоему, шансы, что в течение минуты меня кто-то узнает и

попытается убить?

– Но я не понимаю, зачем, если все равно тебе нельзя появляться в Навии?

Я решила, что хитрить глупо и как-то не по-взрослому, поэтому ответила:

– Я хочу находиться рядом с Саней, иначе буду слишком волноваться за него. Мы с ним дружим с первого класса, и я должна быть уверена, что все пройдет хорошо во время репетиции. А лучшая уверенность – это быть с ним рядом.

Постаралась независимо и твердо глянуть в глаза Орлику – и поймала его взгляд, недобрый, отстраненный, вроде как даже насмешливый.

– Хорошо, – пожал он плечами. – Попробуй.

Повернулся и неторопливо зашагал к забору. Я словно оцепенела: не могла представить, что сейчас он снова покинет меня. А ведь осталось столько вопросов. И он даже не поцеловал меня… Хотя это понятно после того, что он видел вчера – да и после нашего с ним не слишком складного разговора. И отговаривать от опасной, на его взгляд, задумки он как-то слишком быстро перестал.

Пока я ловила лихорадочные обрывки мыслей, Орлика и след простыл. Наверно, перемахнул через забор, а я не успела заметить. Интересно, как ему удалось так быстро заживить свою ужасную рану? Или тоже где-то разжился иномирными средствами?

Глава шестая

Неудачная репетиция

– Дана!

– ДЯ вздрогнула, замотала головой. Где я вообще, почему лежу грудью на подоконнике, едва не вываливаясь из распахнутого окна? А на пороге комнаты стоит Дятлов, смотрит на меня внимательно и настороженно.

– Я стучал, а ты тут возишься, но голос не подаешь. Ты что, выходила погулять через окно?

– Нет… Да, – сдалась я, ощутив две насквозь мокрые меховые тряпочки на ногах.

– А кого Вилли просил окрепнуть к вечеру? Гулять по холодку – это твой способ оздоровления?

Я покачала головой, не зная, что отвечать. Врать не хотелось, да и не было сил.

– Погоди, ты чего-то испугалась? – продолжал допытываться Дятлов.

– Нет…

– Кто-то приходил, да? – Голос Сашки звучал, как перетянутая струна. – Ты что-то почувствовала… внушение? Это был он?

– Нет, просто стало очень жарко в комнате, вышла подышать, – простонала я. – И нечего сразу устраивать допрос с пристрастием.

Говорить про Орлика я не желала. Только не сегодня. Слишком много сразу появится вопросов, а я так хочу хоть немного побыть в одиночестве, обдумать то, что услышала.

Не знаю, поверил ли мне Саня, но сказал только:

– Ладно, пойду добывать тебе новые тапки и тазик с водой. И, – быстрый взгляд на валяющееся на полу одеяло с предательски торчащим мокрым краем, – одеяло тоже.

Примерно час я провалялась в комнате с выключенным светом, прикидываясь, будто сплю. На самом деле теперь, когда я знала, что Орлик жив, у меня появилась возможность думать о нем без страха и боли. Я вспоминала наше общее детство, игры на улицах Кречета, вылазки за границы города, в орешник. Куда сложнее было думать о нем сегодняшнем и совсем уж запредельно – думать о нас.

Для Орлика вроде как все просто: он уверен, что, когда воспоминания уложатся в моей голове, все лишнее отпадет само собой, я снова стану Деей, его Деей, и мы будем вместе. Так должно быть, но так не может быть, хотя бы потому, что есть Сашка. Хорошо, поставим вопрос иначе: была бы я с Орликом, не будь Дятлова?

«Да! – заголосило сердце. – С кем, если не с ним? Он мужчина всей твоей жизни, твой жребий, твой удел!»

Это так, но вот загвоздка: Орлик очень старается казаться прежним, каким был тогда, сотни лет назад. Но ведь это не так, прожитые жизни изменили его, мне ли это не понимать и не чувствовать. Он – безжалостный убийца, наемник с ожесточенным сердцем, не щадивший даже тех, у кого были лица его друзей. Да, он искал меня все эти века, но только ли потому, что так сильно любил? Я была его первой любовью, пробуждением его сердца, его мечтой, его неутоленной страстью, непознанной невестой. Потому он и не смог никого больше полюбить, что всегда имел в голове недостижимый образ первой любви. А если наконец круг замкнется и он добьется меня, то не отбросит ли через какое-то время, как расколотый орех, оказавшийся недостаточно вызревшим? Ведь я против него – девчонка, во многом наивная. Кроме того, у меня есть Параклея, а значит, я уже не смогу принадлежать ему безраздельно, чего он наверняка жаждет.

Или, может быть, Орлик в самом деле очень любит… Дею. Но тогда он скоро поймет, что я – не совсем она. Я – не его верная, живущая им одним, готовая на самопожертвование Дея. И это будет крахом для нас обоих.

Мысли сводили меня с ума. Чтобы отвлечься, я стала вспоминать Оляну. Бронзоволосая красавица, веселушка, удивительная рукодельница, она когда-то научила меня всему, что тогда полагалось уметь девушке. А мне это нелегко давалась, сколько раз, помню, она держала в своих теплых ладонях мои исколотые прялкой пальцы и стирала с моих щек горькие слезинки. Она была

старше года на три, по тем временам – солидная разница. Так что не подругой я ее считала, а, скорее, старшей сестрой и в чем-то даже матерью, поскольку моя мать много лет была прикована к постели, безголосая, почти недвижная. Когда Оляна стала невестой, а потом женой Ждана, я чуточку недоумевала, как она могла выйти за такого старика, ему ведь было уже за двадцать. Но и радовалась, что мы в самом деле станем родней.

Только благодаря этому «старику» она и осталась жива. Ждан, который был не слишком похож на других наших ребят, злой, порывистый, боевитый, сумел вывести ее и старуху мать из захваченного города. Помню еще, как Оляна бегала утешать меня, когда Орлик не вернулся на поляну. А потом однажды пришла с совершенно мертвым лицом, с новорожденными близняшками на руках. Пришла и попросила стать женой Властителя, чтобы этим спасти их всех.

И вот теперь она тоже в этом мире, ведет какую-то непонятную игру, и это она едва не убила Орлика тогда, у дома Кимов. Интересно, как отреагирует Инга, когда узнает… если узнает. Кошмар, они ведь даже посмотреть друг на дружку не смогут, обе в повязках…

Тут меня позвали ужинать. Еду, похоже, привезли откуда-то из ресторана, чтобы не заморачиваться. За столом сидели вчетвером: мы с Ингой и Вилли с Сашкой. Парни, само собой, обсуждали ночное дело, Инга низко клонилась над тарелкой, а я ужасно злилась на парней. Из-за Инги. Это какими нужно быть непробиваемыми, чтобы не понять, что ей тяжел этот разговор, что она скучает по миру Навии. Хотя разве мальчишки бывают другими?

Уловив что-то про палатку, я вздернула голову:

– Их будет две, как обещали?

– Само собой, – неожиданно весело отозвался Вил. В последнее время я чаще видела его в мрачном настроении. – Пока ты была погружена в свои мысли, мы как раз выработали стратегию: сначала Саша поставит свою палатку и научит этому делу меня, а потом я потренируюсь на твоей.

Чего это он развеселился? Вдруг и в самом деле у Вилли есть какие-то свои цели, которыми он забывает делиться с нами?

– Почему бы Сашке не начать с моей палатки, интересно? А то ты потренируешься, а она потом ночью рухнет мне на голову!

Дятлов одобрительно заржал:

– Ну наконец узнаю свою Данку-капризулю!

– Заканчивай, я не капризуля! Терпеть не могу это прозвище!

Я швырнула в него через стол чайной ложечкой. Саня ловко поймал ее одной рукой, изобразил огорчение:

– А вот теперь снова не узнаю. Та Богдана, которую я знал, запустила бы вилкой.

– А Дея, к твоему сведению, предпочла бы нож, так что радуйся. Кстати, она… ой, я швыряла нож лучше многих парней. Интересно, если я потренируюсь, то смогу восстановить навык?

Вилли пожал плечами:

– Возможно. Но только ради развлечения, конечно, прежние боевые навыки теперь тебе не пригодятся.

Я скосила на него глаза. Что он имел в виду? Мою безопасность или то, что у меня есть дремлющие способности куда круче? Подумав о них, я зябко поежилась. Теперь придется себя контролировать изо всех сил, а при моем характере это ой-ей-ей!

Но вот чай был выпит, Инга сама по стеночке удалилась как-то незаметно, а мы втроем остались, притихшие, посмурневшие. Каждого из нас сейчас волновало что-то свое. Я не могла поверить, что столько веков спустя снова окажусь на той самой поляне. Вдобавок мучило едкое чувство тревоги, и я пыталась понять, откуда оно берется. Вроде все безопасно, с нами сукр, в Навии мы пробудем от силы пару минут. А все равно страшно почему-то… Может, не стоило рассказывать Орлику про наши планы? Вдруг он решит как-то вмешаться, чтобы не дать мне попасть в Навию?

– Ну что, командир, есть еще слова напутствия или распоряжения? – спросил Дятлов у Вилли, тщетно стараясь говорить бодро и весело.

Вил словно очнулся, медленно покачал головой:

– Думаю, мною сказано все, что может быть вам полезным. Дана, оденься как можно теплее.

– Во что одеваться-то? – спросила я и закашлялась, голос подсел. Хотелось надеяться, что это не трусость, а последствия болезни.

– Стопка одежды дожидается тебя на диване в гостиной. Лина обо всем подумала.

– А, хорошо. Слушай, а как мы уснем, у меня – ни в одном глазу…

Вил достал из кармана круглый пузырек из непрозрачного темно-зеленого стекла, вытряс на скатерть пару плоских матовых лепешек ярко-изумрудного цвета.

– Это шарковник, да? – оживилась я.

– Точно.

О, я знала эти таблетки, они здорово меня выручали в первый год жизни в Блишеме. Засыпалось от них на раз, во сне к человеку приходили самые счастливые его воспоминания, которые с пробуждением не таяли, как сон, а еще долго ласкали душу. Правда, в моем случае это не работало, но маяться без сна было еще хуже.

Вилли принялся рассказывать про эти штуки Дятлову, и я заметила, как тревога мимолетно отразилась на Сашкином лице. Я удивилась: ему-то чего бояться воспоминаний? А потом вдруг догадалась: он подумал о том, кого я увижу в своем сне. Самой бы хотелось это знать.

Через четверть часа мы разошлись по комнатам. Я прихватила с собой увесистую стопку одежды. Сперва думала, что Кимка поделилась своим гардеробом, но

нет: все вещи были новые, даже с бирками ее любимых бутиков, и все идеально подходили мне по размеру. Лимонного цвета футболка с длинными рукавами, синий свитер плотной вязки под горло с желтым смайликом на груди, теплые мягкие брюки, куртка-пуховик цвета опавшей листвы, перчатки. Шапки не было, Кимка знает, что я их терпеть не могу, только в самый сильный холод накидываю капюшон, а он у куртки имелся.

Я оделась, села на край кровати и стала ждать, когда позовут. Старалась глубоко дышать, борясь все с той же опостылевшей тревогой. Наконец заглянул Вил и коротко скомандовал:

– Выдвигаемся!

Загрузились в его машину, мы с Сашкой – на заднее сиденье. Дятлов крепко сжимал мои пальцы, которые даже в перчатках никак не желали согреваться, противно немели. Выехали из поселка, обогнули по трассе наш городок и скоро оказались на лесной дороге. Оглянувшись на повороте, в свете луны я увидела гигантскую собаку, словно вылепленную из мрака, несущуюся следом за машиной.

– Да, а как мы доберемся до поляны, на сукре? – спросила я.

Вилли, не отрывая взгляд от изрытой колдобинами дороги, пояснил:

– Днем сукр уже обследовал местность, обнаружил заброшенную дорогу. Он ее немного почистил, так что мы сможем подъехать очень близко к поляне, а там идти всего ничего. Сукр потащит палатки, но может и тебя прихватить, только скажи.

– Сама дойду, – буркнула я.

Наездилась уже на адских песиках, хватит. А вообще, что-то я сегодня слишком Дана.

Скоро машина резко свернула в лес, теперь вместо колдобин ехали по настилу из веток и опавшей листвы. А потом остановились и начали выгружаться.

Ночь в самом деле была относительно теплая для этого времени года, безветренная и очень ясная. Звезды светили ярко-ярко, да и луна не отставала. В лесу, конечно, было мокро, но Сашка как-то очень удачно провел меня по тропинке, не успела даже традиционно заехать ногой в лужу.

А потом я оказалась на поляне и увидела те самые камни, теперь уже больше чем наполовину ушедшие в землю. Сердце сжалось, заскулило тихонько. Вот тут мы стояли в снегу со старейшиной Владдухом, дожидаясь возвращения Орлика. Ох и холодно мне тогда было. И как страшно. Сколько раз я порывалась бежать вперед сквозь снежное марево, отыскать в снегу, отогреть собой, а не получится – так хоть успеть поцеловать еще не до конца застывшие губы, свернуться калачиком на груди, разделить участь. Но Владдух удержал за руку, не пустил.

Я вздрогнула, ощутив прикосновение к руке. Но теперь это был Сашка, смотрел сочувственно:

– Постоишь тут немного? Мы враз поставим палатки.

– Ага. Только мою не совсем рядом с вашей.

– Да поняли уже, учтем.

Парни дружно взялись за дело, и Вилли совсем не выглядел новичком. Я чуточку отвлеклась от невеселых мыслей, наблюдая за их слаженной работой. Сукра нигде не было видно, наверно, инспектировал окрестности, хотя кого сюда могло занести среди ночи? Я все еще чуточку волновалась из-за Орлика, но нет, захоти он помешать нам, мы бы и из дома не вышли.

Вот уже установлены метрах в десяти одна от другой две новенькие яркие палатки. Синяя – для мальчишек и оранжевая – для меня. Я заглянула в свою: дно было выстлано поверх туристского коврика теплым спальником, пахло летом и цветами и носились туда-сюда два удивительных создания с головами-фонариками, полупрозрачными телами и крылышками. Я подставила руку, и доверчивые неглядки тут же опустились мне на ладонь, что-то весело болтая на своем языке.

– Ну, здравствуйте, – прошептала я и не удержалась – чмокнула каждую в светящуюся макушку.

Почему-то сразу на душе стало спокойнее и очень захотелось спать. Я нырнула в спальник, сняв только куртку, мысленно поблагодарила заботливую Кимку за штаны, такие мягкие, эластичные. За стенкой палатки ходили и негромко переговаривались парни, кричала тревожно в лесу какая-то ночная птица, покряхтывали деревья, как варганы перед пробуждением. Мне хотелось, чтобы все унялись наконец, я бы тут же приняла таблетку и позабыла свои тревоги.

Отогнув полог, в палатку наполовину просунулся Дятлов.

– Пришел пожелать спокойной ночи, Данка, – сообщил он. – Похоже, увидимся снова на этой же поляне.

– В смысле? А в Навии?

– Вил говорит, что при переходе мы не проснемся. Сукр откроет проход и разбудит меня, а тебя я просто перенесу на руках и уложу на прежнее место. Не застегивайся изнутри, а то резать придется.

– Ну мы так не договаривались, я хочу осмотреться, – закапризничала я, не слишком настойчиво, впрочем.

– А чего там смотреть, темень, да и все. Потом отправимся в дневное время и все увидим. Ну, если со мной облома не выйдет, конечно.

Я сочувственно вздохнула: тут уж результат непредсказуем и не от Сашки зависит. Будем надеяться, что дятловские деды и бабки рук в крови не испачкали.

– Ну, до встречи, – Сашка таки дополз до меня, поцеловал. Ох, слишком страстно. Прошептал, обдавая теплым дыханием мои губы: – Кто бы знал, как мне хочется заснуть тут с тобой, а не с Вилом, хотя он, конечно же, отличный парень. А может, позволишь? Все равно после этих таблеточек я сразу отключусь и твоих, э-э-э, трансформаций не замечу даже.

– Нет, нельзя, – запротестовала я. – И потом, Вилли должен видеть момент перехода, чтобы послать за нами сукра.

– О-па, меня ждет незабываемая ночь, – пригорюнился Сашка. – Я буду спать, а Вил – сидеть рядом и не сводить с меня взгляда!

– Зато точно выясним, храпишь ты или нет. Все, спокойной ночи!

Едва Дятлов покинул палатку, я достала изумрудную лепешку и закинула в рот. Навия, нам предстоит новая встреча!

…Могла бы и догадаться, что во сне я увижу дочь. Мы сидели в заросшей травой глубокой ложбинке, и головки цветов путались в наших волосах. В Блишеме полно таких мест: кажется, ты где-то в глухом лесу, а на самом деле – всего в десятке метров от стен дворца. Наверно, мы с ней уже сходили на обязательную прогулку в Брит, и подол ее серебристого невесомого платьица полон подарков от тамошних обитателей.

Вокруг вовсю суетятся в траве малышки-неглядки, собирают для нас угощение на листьях лопуха, несут из своих норок пирожки размером с мой ноготь, с обязательно запеченной внутри ягодкой, орехи в плетенных из травы корзиночках, а лепешки размером с сердцевину ромашки тащат стопками на головах. Параклея взамен собирается щедро поделиться с ними подарками: фруктами, кремовыми пирожными и набором деревянных человечков как раз в рост неглядок. Человечки одеты с ног до головы, у них изящные прически из настоящих волос и важные лица.

Я рассказываю дочери о своем отце и старшем брате. Как кормила с рук карпов в прудике возле нашего дома и так увлеклась, что свалилась в воду. Выбежавший Тур вытащил меня и повесил за лямки сарафана на сук старой яблони. Не из вредности, а просто не знал, как еще меня просушить. А потом забыл обо мне, убежал с мальчишками, и я провисела так пару часов. Свалилась – не выдержала ветка – в сумерках прямо на вошедшего во двор отца.

Параклея ахает, смеется, а потом спрашивает: «А где они сейчас, твой отец и дядя Тур? Почему я с ними не знакома?»

Я теряюсь. Как объяснить ребенку, ничего не знающему о смерти, что их больше нет в живых? Старость, болезни, убийства – в нашем мире эти страшные слова почти не звучат.

«Они остались в другом мире, родная. В том, из которого я пришла, ты ведь об этом знаешь». – «Но разве нельзя попросить папу, чтобы он пригласил их сюда? Пусть живут с нами во дворце. У всех детей есть бабушки и дедушки, а у меня – только вы с папочкой…»

– Дана, Данка, просыпайся скорее!

Я вздрогнула, выпадая из своего прекрасного сна. Рывком села, покрутила головой. Так, я все еще в палатке, полог распахнут. Край елового леса, который я могу отсюда видеть, уже не черный, а темно-зеленый, значит, дело к утру. Но как же так?

– Что случилось? – хриплым со сна голосом вскрикнула я и на всякий случай ощупала лицо и руки. – Ничего не вышло?

Сашка, не отвечая, возился в углу палатки, нащупал в кармашке фонарик, зажег его, направив зачем-то на себя. Я увидела, что лицо его бело как мел, движения суетливы, рукав синей куртки перепачкан чем-то черным, блестящим…

– Это что, кровь?!

– Дана, послушай меня, – заговорил мой друг быстро, напористо. – Я побывал там, в Навии. Совсем недолго, сукр разбудил меня, уже открыв проход.

– А как же я…

– Погоди, это сейчас не самое главное. Я не знаю, сколько там пробыл, ну еще до палатки шел с другой стороны поляны, от большого камня. А когда заглянул в нее, Вила там не было. Вещи скомканы кучей на самом пороге, будто он с кем-то дрался. Я об эту кучу споткнулся, растянулся на голом брезенте, и вот, – он показал мне ладонь, на которой алели пятна. – Похоже, на него напали, пока меня не было. Ты что-нибудь слышала?

– Нет!

Я выползла из палатки, вскочила на ноги, понеслась по направлению ко второй палатке. Дура, зачем отделилась от них, боялась, понимаете ли, что меня увидят

в неподобающем виде!

В палатке было, как Саня и сказал, голое днище, спальные мешки и верхняя одежда комом громоздятся у входа. Почему-то мне подумалось, что не было тут никакой драки. Вилли ранили сразу, как только исчез Сашка, иначе он успел бы выйти, чтобы проверить меня и ждать на воздухе возвращения сукра. Вил упал, а потом кто-то выволок его наружу, он же огромный, вот и вещи все сдвинулись. И он был сильно ранен, потому что кровь везде, даже на вялых травяных стеблях в паре метров от входа в палатку, на которые случайно упал свет моего фонарика.

От ужаса у меня закружилась голова, я бы упала, не подхвати Дятлов меня за талию. Поддерживал, пока я тяжело втягивала в себя воздух, потом осторожно повел куда-то.

– Куда мы?

– К машине. Хочу как можно скорее увезти тебя отсюда.

– Как, а Вилли?!

– Дана, его ищет сукр. Он сам почуял неладное и тут же рванул в чащу. Наверняка взял след. Он найдет хозяина и доставит его, куда надо. В крайнем случае позовет нас на помощь. Но прежде ты должна оказаться дома.

– Давай подождем тут! – взмолилась я. – Может, сукр уже возвращается, но он же не сможет сам сделать перевязку! А бежать до дома сколько, Вил кровью истечет!

Сашка явно был против, но все же уступил. Крепко обняв меня со спины, все время крутил головой по сторонам. Я же напряженно вглядывалась в том направлении, куда, как мне было сказано, убежал сукр. По злой иронии судьбы это была та самая опушка…

– Не понимаю, кто нас мог тут выследить, да и зачем, – в ухо мне совсем тихо проговорил Дятлов.

Я покрылась липким потом: кое-кто знал. От меня.

– Знаешь, я даже рад, что в палатке кровь.

– Что? А, да…

Странно, что о Смертной Тени из нас двоих первым подумал Сашка. То есть о том, что это была не она.

Прошло пять минут, десять, потом полчаса. Ничего не менялось, и это было страшно. Все указывало на то, что здесь побывали всадники, иначе сукр давно бы уже справился и с хозяином вернулся назад. Никто не в силах победить этих адских псов, но даже они не в состоянии противиться внушению всадников или убийственному взгляду всадницы.

– Все, уходим. – На этот раз Сашка был непреклонен.

Оставив все вещи на поляне и вооружившись только фонариками, мы двинулись к машине. Я бы не удивилась, если бы ее не оказалось на месте… но она была. Сашка сел за руль и ехал очень быстро, будто опасался погони. Сбросил скорость только при подъезде к коттеджному поселку.

Скоро мы уже въехали во двор, и, заперев ворота, Сашка первым делом на руках отнес меня в мою комнату. Куда-то ушел, снова вернулся, сунул мне чашку чая. Точнее, попытался – руки мои ходили ходуном, все пролилось на одеяло. Потом я ощутила, как он осторожно снял с меня куртку, перенес с кресла в кровать и по подбородок накрыл одеялом.

– Постарайся немного поспать.

– Шутишь?

– Нет. Мы все равно пока ничего не можем сделать, разве что беречь силы.

Он хотел выйти, но я намертво вцепилась в его руку:

– Нет, не уходи, останься со мной! Пожалуйста!

С облегчением ощутила, как он ложится рядом поверх одеяла, обнимает меня, гладит по голове. Я в самом деле отключалась, – ах да, действие шарковника все еще не закончилось. Какое счастье, что можно было не думать о случившемся хотя бы пару часов.

Разбудил меня звонок мобильника. Я со сна схватила его, мало что соображая, увидела на экране фотку Кимки, разом все вспомнила. Сперва хотела отложить телефон: не дозвонившись мне, она станет звонить Сашке, пусть он расскажет ей, что случилось ночью…

Но нет, Дея никогда не была трусихой! Я коротко выдохнула и ответила.

– Ой, Данка, наконец-то! – обрушился на меня звонкий от волнения Кимкин голос. – А я звоню, звоню, с урока сбежала, так волновалась. Торчу тут, как дура, в школьном туалете. Ну как прошло?

– Плохо, – выдавила я, желая немедленно умереть на месте.

– Ой, Дан, а что случилось? Саша не смог перейти в тот мир? Поэтому у них с Вилли телефоны то наглухо заняты, то сбрасывают? Продумывают новую стратегию?

– Нет, я не прошла, – ответила я, торопливо сползая с кровати. Кимкины слова пробудил во мне надежду. Может, ребята правда на связи?

– А так могло быть? Странно. Но я в этом ничего не понимаю, думала, раз ты однажды…

Я, не вслушиваясь в слова подруги, босиком, в одной длинной футболке и с телефоном у уха пронеслась по коридорам дома. В гостиной навстречу мне со стороны столовой вышел Дятлов, свой мобильник он нес в руках. Я уставилась на него вопросительно – он в ответ мрачно помотал головой и скрылся за дверью.

– Кимка, – решилась я, – случилось что-то очень плохое. Пока Сашка был в Навии, а я спала, Вилли исчез. Мы думаем, на него кто-то напал.

Мертвая тишина в трубке.

– Кимочка! – заорала я испуганно. – Ты что, ты там?!

– Да, – раздалось в ответ. – И я немедленно еду к вам.

Отбой. Я бросила телефон на стол и снова кинулась искать Сашку. Он был в столовой, сидел на краешке табуретки, мобильник с горящим экраном валялся перед ним на барной стойке.

– Кому ты звонишь?

Сашка перевел на меня отупевший от усталости взгляд.

– Я на рассвете разбудил Ингу, пошел с ней к сукру, к оставшемуся. Она знает язык, объяснила ему задачу, я отвез его на место. Теперь он тоже обследует территорию. У Вила в кармане джинсов был мобильник, теперь вот набираю его. У дневных сукров, Инга сказала, нюх не такой хороший, как у лунных, зато слух очень острый.

– Господи, нужно было его еще ночью послать!

– Не нужно. Он мог тоже попасть под удар, и мы бы остались совсем без защиты. Как там Лина, это же она звонила?

– Она. Мчится сюда, конечно. Или не нужно было говорить? Я уже ничего не соображаю.

Сашка только головой покачал. Потом спросил:

– Будешь есть?

– Да что ты, мне кусок в рот не полезет. Вот пить очень хочется.

Дятлов тут же включил чайник, движения его были замедленными, вялыми. Похоже, не спал совсем, ушел сразу, как я отключилась. Я неуверенно скосила глаза на дверь:

– Позвать Ингу?

– Не стоит. Она просила ее без особой нужды не беспокоить.

– Ясненько…

Чай я пила машинально, даже не замечала, что обжигаю язык. Каждый глоток давался с трудом, как будто что-то подпирало горло. Да еще щека разболелась… Хотя, когда Дятлов вытащил ложечку из моей чашки, сразу стало легче.

– Что мы будем делать? – спросила я друга, потому что идей не было никаких.

Сашка уже перестал без конца обновлять вызов и отодвинул телефон в сторону. Можно было догадаться, что у аппарата Вилли кончилась зарядка.

– Пока ждать. Может, сукр принесет известия или как-то иначе дело прояснится. Если через сутки все останется по-прежнему, то я отправлюсь в Нутряной мир.

– Зачем? – поразилась я.

Он так запросто об этом говорил, словно в Питер на денек собрался смотаться.

– Попрошу о помощи. Властитель ведь захочет защитить тебя, верно? – Пришлось кивнуть. – Насчет всего остального по ходу решим, что им там можно знать, а что не обязательно.

– Это ясно, но ведь ты даже языка не знаешь!

– Вилли говорил, что его папаша на всех языках мира как птичка поет. И сестра, кстати, тоже.

– Так до Блишема еще добраться нужно… Хотя ты же сукра возьмешь, – спохватилась я.

Но Сашка резко дернул головой:

– Если второй сукр не отыщется, то этот останется с вами.

– Ага, толку-то от него, если против нас играет всадник и, возможно, не один! Но дело, Сань, даже не в этом. Сукр не переходит по наследству, как домашняя собачка. Пара дней без хозяина, и он начинает терять ориентиры, идет отказ всех функций, понимаешь? Становится непредсказуем и опасен. А если возьмешь его с собой, он поймет, что возвращается к самому первому хозяину, к Властителю, и отведет тебя за милую душу.

– Ладно, подумаем.

За забором прошелестела машина, тормознула у дома. Я напряглась:

– Это Кимка, наверно…

Через пару мгновений моя подруга в самом деле вбежала на кухню, обвела нас запавшими и красными, но еще полными надежды глазами:

– Есть новости?

Мы дружно покачали головой, а я поспешила ей навстречу. Мы крепко обнялись, и Кимка тихонько заплакала мне в плечо. Но уже меньше чем через минуту резко выпрямилась и попросила рассказать, что произошло.

Глава седьмая

Новая опасность

Саня как раз заканчивал свой рассказ, когда согбенная тень стремительно мелькнула за окном, направляясь в сторону гаража. Дятлов сразу подскочил на ноги:

– Дана, говоришь по-сукрски?

– Нет, разве что пару команд вспомню… Они понимают язык Блишема, но говорить на нем не могут…

– Придется тогда снова побеспокоить Ингу.

Конечно же в гараж мы направились всем скопом, каждому не терпелось узнать хоть что-то. Хотя то, что сукр вернулся без хозяина, уже означало, что хорошего ждать не приходится. Конрад сидела на краю кровати в полной готовности, и, когда Сашка, кратко сообщив о возвращении сукра, повел ее под руку мимо нас с Кимкой, я заметила, что повязка на ее глазах намокла. Я же крепко обнимала за талию свою подругу.

Сукр сидел на корточках в самом дальнем от входа углу гаража, уронив голову в маске ниже колен. Странно, как он ухитряется перемещаться по территории охраняемого поселка так, что никто до сих пор не поднял тревогу. Просторная, грубая одежда стоит колом поверх костяных доспехов, выше спины из-под рубашки выпирает золотой ошейник, слишком большой днем для его шеи. Косматая шерсть с черепа переходит на плечи.

Инга с порога обратилась к нему. Она не переводила сразу, и мне приходилось сдерживать Кимку, дрожавшую от страха и нетерпения. Возможно, ей казалось, что Инга нарочно медлит, но я-то знала, что разум и речь у сукра как у трехлетнего ребенка, поэтому Конрад пытается сперва составить свое представление, подбирает нужные слова, чтобы узнать детали. Но это было мучительно. Прошло не меньше пяти минут, когда Инга наконец обернулась к нам и сдержанно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bulganova_elena/naviya-proklyatie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити